

Нуктот

Key 4 Sally

18+

Валерия

Key4Sally

Никто

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Key4Sally

Никто / Key4Sally — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Валерия)

Представьте мир, где нет ничего, кроме песка, черного неба и бесконечной ночи. Стерильное пространство, безжизненная пустыня, где заперто единственное живое существо - жуткое чудовище, кровожадное животное, для которого чужая жизнь не имеет ценности. Оно долго ждало Валерию, и наконец она здесь. Но, вместо того, чтобы с жадностью вцепиться ей в глотку, оно предлагает девушке нечто удивительное – научить ее создавать материю и жизнь из пустоты. Стать Творцом целого мира. Но, как и все на свете, величие требует платы, так сколько стоит возможность стать Создателем? Продолжение романа «Ты пойдешь со мной?», ставшее чуточку взрослее.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Обратный отсчет	6
Глава 2. Дорога домой	25
Глава 3. Мы находим клад	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Key4Sally

Никто

Предисловие

Светло-сиреневый песок слабо светится, а крохотные песчинки рассыпаются в разные стороны, если провести пальцем по холодной песчаной россыпи. Огромное чудовище сидит на пологом берегу и рассеяно водит длинным, острым когтем, рисуя замысловатые узоры. За его спиной морская гладь тихо ластится ленивыми волнами. Чудовище шумно втягивает воздух, издавая утробное урчание на выдохе. Его огромная спина переливается переплетением филигранных ярко-красных узоров – завитков, прямых и ломаных линий, углов геометрических фигур и их невероятных комбинаций. Длинный тонкий хвост нехотя виляет из стороны в сторону. Оно поднимает голову и смотрит на тёмное, чернильно-чёрное небо, неестественно пустое без звезд и луны. Для него нормально, что на небе нет светила, оно к этому привыкло. Но ещё оно знает, что бывает иначе. Бывает совсем по-другому. Есть мир, где все наоборот – небо светится, а земля темная, где есть солнце и луна, где растут деревья, цветы, трава и все населено, все кишит различной жизнью, всех видов, цветов и размеров. Оно знает, где этот мир, оно долго наслаждалось его яркостью, пока не истекло время, и теперь его никак не отпускает мысль о том, что его вселенная тоже может быть такой. Уже давно эта идея мучает его, не давая покоя, терзая его, заставляя невыносимо страдать, бессильно рыча и изводя собственное сознание. Там день сменяется ночью, чтобы снова уступить на закате тьме, и отсюда, из мира, где ночь бесконечна, это кажется издёвкой, глупой шуткой вселенной, чьё чувство юмора оставляет желать лучшего. От этих мыслей тонкие губы расходятся в зверином оскале, обнажая острые, длинные, кинжалообразные зубы, плотно примыкающие друг к другу, которые сверкают жемчугом, отражая тусклый свет песка, а кроваво-красные глаза сжимаются до тонких щёлочек. К кому конкретно обращена его злость, оно не знает. Знает лишь, что несправедливость, с которой ему приходится мириться, жжёт где-то глубоко внутри, зудит где-то там, за сердцем, и зуд этот не унять, не утолить и даже не приглушить. Приходится просто терпеть, из столетия в столетие, в надежде на то, что привычный порядок вещей сломает что-то из ряда вон выходящее.

– Лера... – шепчет оно низким, рокочущим голосом, больше похожим на звериный рык. Услышь его голос человек, и он надолго потерял бы дар речи. Но никто не слышал, не видел его. Некому было испугаться, ведь во всём мире он был совершенно один.

Внезапно мысли его выстроились в ровный ряд, стали четкими, понятными и кристально чистыми. Ему стало ясно, что и как нужно делать. В одно мгновение расплывчатые, размытые очертания обрели форму, и невозможное стало возможным, превращаясь из бесплотной мечты в осязаемое, реальное будущее. Огромные красные глаза распахнулись, а утробное урчание перешло в быстрое дыхание, с фырканием, присущим большим, тяжелым животным. Но нужна она. Именно она, никто другой не сможет. И теперь, когда появился шанс изменить ход вещей, возможность дотянуться до недоступного становилась лишь вопросом времени и терпения.

Нужно найти Двуликого. Прячется где-то... Ну, не в первый раз уже. Он и раньше находил эту тварь, благо, не особо-то большого оно ума, чтобы хорошо прятаться. От этой мысли огромный рот разъехался в устрашающей улыбке, обнажающей сотни тонких, острых, длинных зубов.

Чудовище поднялось и медленно зашагало по песчаному берегу, на ходу замечая следы, остающиеся на песке от огромных ступней, длинным хвостом.

Теперь, это лишь вопрос времени.

Глава 1. Обратный отсчет

– Это лишь вопрос времени, – говорила Сашка. Тон её был наигранно-успокаивающий, что безумно раздражало. Зачем говорить со мной, как с умирающей? Насколько мне известно, от этого еще никто не умирал. По крайней мере, я на это надеюсь.

– Я знаю, знаю. Ладно, пойду, займусь оформлением практических работ. По-моему, я напортила в нескольких местах.

– Ладно, – сказала Сашка. – Позвони, как освободишься. Сходим в кино.

– Конечно. До завтра.

– Ага. До завтра.

Я коснулась кнопки сброса звонка и уставилась на экран. Я долго рассматривала лицо восходящей голливудской звезды, чей портрет служил фоном рабочего стола на моем телефоне. Забавно, но он мне даже не нравится, но почему-то я выбрала именно его фотографию. Наверное, просто немногим лучше, чем пустой экран.

Я рассматривала линии, очерчивающие молодое лицо, и никак не могла понять, чем же мне так не угодили правильные формы и подчеркнутая мужественность. Не знаю, чем. Наверное, просто это не ОН, вот и все. И каждый, кто не является ИМ, будет меня не устраивать. Всегда. До конца моих дней. Я обречена на жизнь старой девы, и главной целью моего существования, будет планирование захвата власти на Земле силами небольшой армии кошек, для чего я начну разводить их в маленькой однокомнатной квартире, где будет множиться моё войско, которое в недалеком будущем поработит планету. И начну я, по традиции, с самых вонючих. Какие из кошек ароматнее других своих представителей? Надо, не побоюсь этого слова, прошерстить интернет...

Я поднялась и прошлепала на кухню. Щелкнула чайник и уставилась в стену над ним, думая, чем занять себя этим вечером. Сашке я бессовестно соврала – нет у меня никаких прохв в оформлении практических. Я вообще сдала их еще на прошлой неделе и получила зачет. Но сказать что-то надо было, а иначе Александра, в своем рвении возродить во мне любовь к жизни, замучила бы меня до смерти. А потом потащила бы остывающий труп на очередной бестолковый фильм в ближайший кинотеатр в надежде, что трупную синюшность кто-нибудь из парней по неопытности примет за аристократическую бледность и соизволит познакомиться со мной. И совершенно бесполезно убеждать ее, что, хоть я и невзрачная, но все же не лишена некоторого обаяния, и время от времени парням все же интересно, как меня зовут, и чем я занимаюсь в свободное время. Сашка же надеется взять количеством – чем больше знакомых, тем больше вероятность, что среди них найдется тот единственный. Математический гений. Да только она не понимает, что нельзя встретить единственного дважды.

Я ничего не говорила ей о Владе. Вообще никому ничего не говорила о сказочной стране и о том, что со мной произошло. Когда я вернулась в реальный мир, было семь утра того же дня, что и когда я легла спать. Я открыла глаза и несколько минут убеждала себя, что все произошедшее было сном. А когда поняла, что не верю не единому своему слову, горько разрыдалась. Меня не было всего три часа. Всего за три часа жизнь моя перевернулась с ног на голову, и, засыпая улыбочкой девчонкой, я проснулась разбитой старухой на грани нервного срыва. Надо ли говорить, что родные, увидев, как я, на ровном месте, без объявления войны, перестала есть, пить и спать, мягко говоря, заволновались. Глядя, как я безудержно худею, кожа вваливается, и под глазами залегают синяки, и единственное, на что я способна, это рыдать на разные голоса, близкие требовали объяснений. Но что я могла им сказать? Расскажи я им всю правду, и меня отправили бы лечиться, и однозначно не в санаторий. Поэтому я ограничилась лишь выжимками, сказав максимум из того, что могла – влюбилась, безответно, безнадежно.

Да. Нет. Не знаю. Возможно. Скорее всего, но маловероятно. Нет, он не сволочь и не скотина. Нет, он не поматросил и бросил. Нет, я не беременна.

Прошло нелегких полгода прежде, чем я перестала рыдать, выть, скулить и надсадно давиться своим же шепотом. Еще через пять месяцев я стала спать полную ночь и вернулась к прежнему рациону питания. А через месяц мне стало все равно. Я научилась натягивать на лицо маску доброжелательности и полной удовлетворенности собственной жизнью, прячась внутри самой себя, как псих-одиночка. Мимо меня пролетало время, неслись события общественной и личной важности, происходили самые разные мелочи, приятные и не очень, и все это слилось в единый калейдоскоп, бессмысленный и нелепый. Я смотрела на собственную жизнь, как сторонний наблюдатель, понимая, что рано или поздно нужно как-то вклиниться в происходящее, но все никак не находилось подходящего момента. И я решила – пусть все идет, как идет. Без меня. Я тут в сторонке постою, если Вы не против.

Чайник громко щелкнул, да так, что я от неожиданности подпрыгнула. Кружка, кофе, сахар, кипятки. Все, как обычно. Я взялась за пульт и нажала «ВКЛ». На экране замелькали разноцветные картинки, лишённые всякого смысла. Раньше я любила хоккей и кино, если в нем есть хоть толика здравого смысла или адекватного юмора. Сейчас остались лишь книги. Они спасают меня и держат на плаву, пока я, покачиваясь на волнах моей серой, никчемной жизни, смотрю, как мимо меня проплывают останки моего счастья, и жду появления МЧС. В таком варианте я сама себя раздражаю, но ничего, повторяю, НИЧЕГО не могу с собой поделывать. Что-то перегорело, выключилось внутри меня, и теперь я похожа на остов сгоревшего дома – торчащие балки и зола.

Я повернулась к окну и заглянула в зимнюю ночь за окнами. В отражении стекла на меня смотрела вялая селедка, с истекшим сроком годности, чьи глаза могли бы напугать даже самого опытного психиатра. И снова, в который раз ненавидя себя за это, я спросила тишину за окном:

– Где же ты, Влад?

Хотелось зарыдать. Хотелось, но уже не могло, а потому я просто закусил губу и повернулась к телевизору. А там неслась жизнь, там бурлила бесполезная болтовня, и сменялись лица, похожие друг на друга, как две капли воды. Там всеми цветами радуги искрилась пустота. Я посмотрела на часы и в который раз испугалась – в последнее время я все чаще выпадаю из реальности, часами просиживая за собственными мыслями. Я не успевала замечать, как три, четыре, шесть часов, просто исчезали, наглым образом переставляя стрелки часов на совершенно неправдоподобные цифры. Вот и сейчас – десять минут первого. Десять минут назад начался новый день, и получается, что Сашка звонила мне уже вчера. Так и не сделав ни одного глотка, я оставила кружку с кофе на столе и отправилась спать.

Утром мы Саней встретились на остановке и, сев в один автобус, добрались до универа. Всю дорогу Сашка болтала о каком-то мероприятии, которое устраивает одна очень богатая семья. Что-то среднее между балом и вечеринкой, где соберутся сливки высшего общества нашего города. Она чуть ли не повизгивала к тому моменту, когда дошла до места, где заявила, что вышла на знакомых, знакомого, который лично знает «старшего заместителя младшего свинопаса» в этом шикарном особняке. Этот новоиспеченный знакомый кровью расписался в том, что всеми правдами и неправдами достанет ей пригласительный на это мероприятие, даже если ему придется продать свою левую почку. В этом месте я должна была завизжать от радости за подругу, что я и сделала более или менее правдоподобно. Сашка, подогретая моим воображаемым восторгом, снова залилась соловьем, а я уставилась на свои руки и опять выпала из времени. Ненадолго, но все же, когда она дернула меня за рукав на нашей остановке, я чуть не взвизгнула от неожиданности – я начисто забыла, что рядом со мной кто-то есть. Мы вышли из автобуса, и я немного пришла в себя – безветренный мороз бодрил и освежал. Сейчас редко бывает минус тридцать, но когда все же случается, я с наслаждением принимаю дары зимы

и радуюсь тому, что живу в Сибири. Когда на тебе теплый пуховик, штаны, хорошая обувь и вязаная шапка, мороз, который щиплет щеки, приносит ни с чем несравнимое удовольствие.

День пролетел незаметно, и когда мы встретились после учебы, Сашка потащила меня в близлежащее кафе ради кофе, который тут выше всяких похвал. Мы нашли свободный столик, разделись и заказали кофе с булочкой. Сашка по-прежнему захлебывалась от восторга по поводу предстоящего вечера. Осталась всего неделя до дня "хэ". Платье куплено, туфли подобраны, время в парикмахерской забронировано еще неделю назад. Официантка, тоненькая девчушка с рыжими волосами, принесла кофе и булочки, и под мерный стрекот Сашки, я взяла пышную сдобу в руки. И тут снова началось. Слезы предательски потекли из глаз. Клянусь, я совершенно ничего не могла с этим сделать. Сашка замолчала, глядя, как я плачу, уставившись на булку:

– Лера. Лерка... – тихо и нежно прошептала она. – Ты чего? Опять? Вроде же нормально все было?

Ну что я могла ей сказать? Почему-то именно сейчас пышная булка напомнила мне нежную, добрую ведьму, которая дарит свет всем и каждому. По Владу я выплакала все, что могла, а вот по Ирме...

Я улыбнулась, вытерла слезы и приказала себе прекратить истерику. Немедленно. Сию секунду! И сработало. Слезы остановились так же резко, как и начались. Я украдкой оглядела кафе в поисках удивленных лиц, смотрящих на нас, но к счастью, никто не заметил моей немой истерики. Мне стало стыдно перед Сашкой за то, что поставила ее в неловкое положение:

– Прости, пожалуйста. Сама не знаю, что с этим делать. Издевательство какое-то...

– Да перестань ты. Подумаешь...

Я знала – Сашка та еще пигалица, и мнение окружающих ей было важно. Но еще я знала, что мое мнение ей гораздо важнее, а потому, даже если бы все кафе презрительно уставилось на меня взглядами двух десятков недовольных лиц, она даже не покраснела бы, а возможно, еще и сказала что-то неподобающее поведению благовоспитанных девиц нашего возраста. Я улыбнулась ей, она мне подмигнула, и на этом инцидент был исчерпан. Словно ничего и не было, она продолжила повествование о том, какие шикарные перчатки она купила для долгожданного вечера. Они прекрасно подойдут к вечернему платью – тонкие, шелковые, очень хорошего качества, правда, слегка китайские. Я вспомнила о том, что рассказывала мне Ирме. Я, как могла подробно, рассказала ей теорию о перчатках и их роли во флирте. Сашка внимательно слушала, кивала, периодически потягивая кофе, и всячески старалась меня понять. Но, по-видимому, тщетно.

– Не знаю. По-моему перчатки, это просто перчатки, и не более того. Мелочь, в общем-то. Предмет гардероба.

Я кивнула. Мелочь. Мне очень хотелось объяснить ей, что все самое важное состоит из таких вот мелочей – тонкая, еле заметная морщинка, форма рук или неповторимый рельеф губ, едва заметное движение, еле уловимый запах – все это складывается в узор, тонкую сеть из воспоминаний, которые опутывают тебя, не дают двигаться, дышать, жить... Мимо меня прошла девушка в темно-синем свитере, и так же четко, как я видела сейчас Сашку, память заслонила глаза цвета аквамаринов. Господи, какая же я дура, что вернулась сюда! Что мне теперь здесь делать? Как втиснуться в рамки реальности, когда я точно знаю, что может быть иначе?

Видимо, я снова выпала из времени, потому как, далеко не с первого раза, услышала, как Сашка засобиралась домой:

– Идем? – спросила она, наверное, уже, наверное, в пятый раз.

Я кивнула, поднялась и неспешно облачилась в пуховик и шапку.

Дни мелькали, словно высоковольтные столбы в окне едущей электрички. Я не успевала за пятницами, воскресеньями и вторниками. Мне казалось, что время играет со мной в какую-то игру, и я подчистую проигрываюсь, и, похоже, остаюсь в одних носках. Все на что хватало

моих сил, это учеба. Время пролетало мимо меня, и я никак не могла остановить бессмысленный бег. Я выпускала из рук свою собственную жизнь, и упускала что-то важное, я не успевала за ходом часов, и так хотелось встать и заорать: «Стоп! Остановитесь!»

Сашкина авантюра оправдала ожидания – пригласительный на одно лицо, на предновогодний вечер в загородной резиденции семьи Лемм. Интересная фамилия. Чешская? Литовская? Немецкая!?

– Вообще до лампочки происхождение этой фамилии. Там будет столько холостых парней, у которых денег – куры не клюют.

– Александра, ты и правда настолько наивна? Ты на что надеешься? У них глаз наметан так, что они могут определить сумму на твоём счету, с точностью до копеек, просто разок взглянув на тебя. Их довольно трудно удивить смазливой мордашкой. Слишком уж высока конкуренция, знаешь ли. То, что ты не их круга так же очевидно, как и твои намеренья выйти замуж, чтобы безбедно и безработно жить до конца своих дней.

– Валерия, Вы зануда! Надо позитивно смотреть на вещи. Были прецеденты и будут еще не раз.

– Ну да, Золушка – прекрасный пример для подражания.

– Конечно, лучше сесть дома и бесконечно пялиться в телевизор и окно, окно и телевизор.

«Так, по крайней мере, честно, – подумала я. – Честно по отношению к себе». Но вслух сказала:

– Ложись спать. Завтра вечером тебе понадобится все твоё обаяние. Давай, тигрица, готовься к бою.

Сашка засмеялась и пожелала мне спокойной ночи.

А утром случилось неожиданное.

Суббота, девять тридцать утра. Сашка рыдает в трубку горькими слезами и нещадно матерится, хоть святых выноси. Вспотевшими руками я крепко вцепилась в телефон, стараясь удержать его в руках, словно это может что-то изменить. За ночь у Сашки по всему телу пошла красная сыпь, ни одного живого места не осталось. Ярко-красные пятна, размером с пятирублевую монету, осыпали несчастную с ног до головы. Они чесались, они горели, и не было никакой возможности их скрыть. Ударная доза противоаллергенных практически ничего не дала – пятна перестали чесаться, зато начали шелушиться. Бедная моя Сашка лила слезы и редела белугой. Я всеми силами хотела ее утешить, а потому несла всякую околесицу, как и каждый, кто ничем не может помочь. Я предлагала ей пойти к врачу, но она уже там побывала. Врач развела руками, выписала какую-то мазь, «Зиртек», и отправила восвояси, убедившись, что об анафилактическом шоке речи не идет. Я предложила пойти к косметологу, и наскоро замазать произошедшее, но и там Сашка уже была. Косметолог, едва сдерживая откровенную брезгливость, клялась, что такое спрятать невозможно. В конечном счете, мы обе понимали – сегодня Саня никуда не идёт.

– Хочешь, я приеду? – спросила я.

– Да-а-а-а-а... – рыдала трубка.

Я оделась, вышла на улицу, села в автобус и через двадцать минут уже стояла перед хорошо знакомой дверью, с номером триста десять. Сашка открыла мне, и я не узнала ее – опухшие от слез глаза, нос картошкой, растрепанные волосы и красные пятна на веснушчатом лице, шее и руках.

– Милая моя... – выдохнула я и обняла мое обезумевшее от горя сокровище. В моих объятиях она зарыдала пуще прежнего. Минут пять она не то, что остановиться, даже дышать толком не могла.

– Ну, тише, тише, – шептала я, глядя ее по растрепанной макушке. Но рыдания на моем плече только усилились. Я поняла, что никакие, даже самые ласковые, слова волшебства не

сотворят, поэтому просто стояла и молча гладила ее по голове. Сердце мое обливалось кровью, даже если учесть, что это далеко не конец света. Понятно – невелика беда, и совсем скоро мы будем смеяться над этой ситуацией, но сейчас-то... Сейчас моя единственная подруга рыдала так искренне, что я сама еле сдерживалась, чтобы не завывать вместе с ней.

Но вот, истеричный вой сменился жалобными всхлипами и поскуливанием. Пора переходить ко второй фазе психологической помощи:

– Чай будешь? – спросила я.

Сашка кивнула. Мы пошли на кухню, и я посадила потерпевшую на стул, приказав ничего не делать, кроме как любить себя любимую от макушки до пяток такой, какая есть.

– Легко тебе говорить, – всхлипывала она. – Ты нормального цвета.

– Подумаешь! Зато я рыдаю на ровном месте посреди битком набитого кафе. Думаешь, это лучше?

Сашка неопределенно мотнула головой, и я так и не поняла, «да» это или «нет».

– Обе хороши, – подытожила я. – Но твоя зараза пройдет быстрее, чем моя. Вот увидишь – два дня и все будет хорошо.

Тут Сашка снова зарыдала так, что кровь в жилах свернулась:

– Вот именно-о-о-о-о... – хрипела она уже сорванным голосом. – Почему именно сегодня? Почему не завтра? Через два дня мне уже не важно, что будет...

– Не говори глупостей! Тоже мне, событие века...

– Собы-ы-ытие-е-е-е...

Я мысленно дала себе оплеуху за длинный язык и идиотизм:

– Ну, все, все, – я уже заварила чай и разлила его по кружкам. Одним из моих хобби после «возвращения» стала попытка воплотить в жизнь тот самый чай, которым поила меня Ирма. Мятный, нежный вкус, в самом конце раскрывающийся ярким шоколадным ароматом. Но, как я ни старалась, ничего не выходило. Окружающим очень нравился мой чай, но я-то знала, что с оригиналом нет никакого сравнения. Если бы вы знали, каков этот вкус на самом деле...

– Спасибо, – сказала Сашка, беря трясущимися руками кружку. – Что бы я без тебя делала?

И тут, как ни странно, Сашкины слова стали для меня прозрением – я слишком долго жалела себя и эксплуатировала чужую любовь, совершенно забыв о том, что мои близкие нуждаются во мне не меньше, чем я в них. Хватит уже рыдать и жаловаться на судьбу – сделанного не воротишь, остается лишь принять свершившийся факт и начать все заново, словно ничего и не было.

– Ну, все, – сказала я. – Это мы уже пережили, и возвращаться к этому нет смысла. Давай позвоним в парикмахерскую и отменим твой визит, а потом пересмотрим все серии «Дарьи» с самого начала. А?

Сашка, молча, кивнула.

– Где твой телефон?

– На диване, – загробным голосом ответила моя подруга, откуда-то из кружки.

Я принесла мобильник и положила на стол перед ее носом. Она грустно взглянула на гаджет, как на бумагу о полной капитуляции, которую нужно подписать кровью, и, тяжело вздохнув, взяла его в руку. Набрав номер парикмахерской, она подняла на меня глаза, полные тоски, но, как только в трубке послышался первый гудок, глаза ее просияли, словно на нее снизошло озарение, и она быстро нажала кнопку отбоя. Она смотрела на меня, и взгляд ее искрился неподдельным интересом. Она разглядывала меня так, словно видела впервые, и я уже начала думать, что психика у бедняжки все-таки не выдержала, и моя ненаглядная тронулась умом.

– Сашка, ты чего?

Вдруг она, чуть ли не крича, затараторила, да так быстро, что до меня не сразу доходил смысл ее слов:

– Я все поняла! Это судьба! Это высшее предзнаменование. Значит, так и должно было случиться. Все правильно... – все ее торопливое бормотание сводилось к подобным, ничего не значащим восклицаниям. Я реально заволновалась:

– Сань, ты меня пугаешь. Давай-ка начинай говорить что-нибудь осмысленное, а не то я иду за санитарями.

– Да нет же! Ты меня не поняла... – и снова поток, ничего не значащих слов.

– И правда, ты же все так четко и внятно объяснила, что не понять просто невозможно.

– Ты пойдешь вместо меня!

Тут челюсть моя отвисла. Я смотрела на ожившую подругу и не понимала, серьезно она или чувство юмора опять меня подводит:

– Куда пойду? В парикмахерскую? А по телефону отменить визит нельзя?

– До чего же ты тугодум! Ты идешь на вечер вместо меня! Ты пойдешь по моему приглашению!

– Ты с ума сошла? Я не пойду никуда.

– Почему?

– Приглашение же именное?

– В том то и дело, что нет!

– Ты, мать, совсем сдурела! Не пойду я туда.

– Пойдешь, пойдешь... как миленькая пойдешь.

– Нет. Не пойду.

– А я говорю, пойдешь.

Минут пять мы потратили на пустое препирание и партию в настольный теннис из «пойдешь» – «не пойду». В конце концов мне это надоело первой:

– Сань, прекрати. Ты же видишь, я даже в кафе нормально выйти не могу. У меня, то слезы, то апатия. Я веду себя, как ненормальная, а ты хочешь записать меня в вечернее платье и отправить в толпу напыщенных, разодетых богатеев, где я буду чувствовать себя еще и нищей. Ты хочешь, чтобы мое эго окончательно и бесповоротно погибло?

– Я хочу, чтобы ты перестала себя жалеть, – твердо сказала она.

Я не смогла ничего возразить против этого, но кое-какие козыри в рукаве еще остались.

– Мне нечего надеть.

– Ты наденешь мое платье. Ростом мы одинаковые.

– Сашка, ты на размер меньше меня.

– Да. Была когда-то. Посмотри на себя – ты ходячая энциклопедия по анатомии. Если присмотреться можно селезенку без УЗИ разглядеть.

– Ну, спасибо...

– Пожалуйста. Через сорок пять минут тебе нужно быть в парикмахерской. Я все оплатила заранее, поэтому не переживай о деньгах.

– Да я вообще ни о чем переживать не буду, потому что никуда не пойду.

Мы смотрели друг на друга, и тут Александра применила запрещенный прием – глаза ее, огромные янтарно-карие, наполнились слезами, и она бессвязно начала причитать:

– Ну, пожалуйста, миленькая. Я так долго об этом мечтала... Сделай это за меня. Роденькая, пусть хоть одна из нас увидит, как это выглядит изнутри. Я ради этого приглашительного на такие жертвы пошла... Не дай моим усилиям пропасть даром.

Я ехала уже час с четвертью. Такси, выдавший виды «Филдер», неторопливо рассекал ночную мглу светом фар. Загородная дорога, ровная, словно шелк, не чета городским, вилась лентой под мерный гул колес. Водитель был молчаливым мужчиной, сорока, сорока пяти лет, который, к моему счастью, слушал новости, а не шансон. Путь был не близкий, и он, видимо из вежливости и желания хоть как-то разрядить обстановку, периодически сообщал мне, сколько

оставалось ехать. Теперь, когда до места прибытия было всего десять минут, меня с новой силой начали грызть сомнения в собственной вменяемости. Какого черта я сюда еду? Идиотка. Надо же было повестись на Сашкины слезы, корсет мне в ребра! Бюстгальтер так сжимал мою грудь, что мне казалось – одно неосторожное движение, и ее выдавит наружу, как зубную пасту из тюбика. Дышалось тяжело, сиделось неудобно, а абсолютно голые плечи под осенним пальто чувствовали себя крайне не уютно. На улице минус тридцать, а я в таких тонких колготках, что периодически забываю, что они вообще на мне есть.

Дорога круто свернула вправо, и мы остановились у огромных ворот, где мужчина в форме, выйдя из домика охраны, потребовал от нас пригласительный. Я протянула билет, он сверил его со списком и пропустил нас на территорию. Мы въехали, огромные кованые ворота закрылись за нами, а дорога круто повернула налево, сразу за участком, густо засаженным высоченными синими елями. И вот, как только мы объехали деревья и вывернули на подъездную дорогу мой водитель, который за всю полуторачасовую дорогу сказал в общей сложности десять слов, тихо, но очень отчетливо восхитился матом, потом извинился, и снова повторил это же слово. Огромный дворец стоял весь в белом сиянии, освещенный прожекторами. Он был неправдоподобно огромен. Мне казалось, что даже самые богатые люди нашего города никогда не смогли бы позволить себе отапливать такое количество квадратных метров. Это было длинное, белое сооружение, высотой не меньше шести этажей (сколько же там народу живет, что понадобилось СТОЛЬКО комнат?), оно причудливо сгибалось, ощетинилось углами и выгибалось арками, образуя удивительную конструкцию из стекла, железа, бетона и чего-то там еще. Это было удивительно красивое, но невероятно огромное здание, больше напоминавшее дворец постройки конца девятнадцатого столетия, но с уклоном к современной архитектуре. Впечатляющий размах завораживал, но при этом меня не покидало ощущение нарочитого расточительства – словно люди пытались зарыть в бетон максимальное количество денег, в независимости от результата.

Мы попали в пробку – на подъездной дороге, широкой и вместительной, было столько машин, что не хватало глаз, чтобы сосчитать их, даже приблизительно. Медленно, мы продвигались к огромным входным дверям, которые предвещала длинная, широкая лестница. По ней непрерывно поднимались люди, которые выходили из машин, о существовании которых я даже не подозревала. Женщины в норке и лисе, длинных вечерних платьях и бриллиантах, мужчины во фраках и дорогих пальто – я смотрела на них и еле сдерживалась, чтобы не заорать водителю: «Разворачивай! Едем отсюда к чертовой матери!» Но вместо этих слов я лишь пробормотала: «Сколько с меня?» Водитель, явно смущенный своим самым непритязательным авто на этой стоянке, промямлил: «Пятьсот», похоже, не придавая значения тому, что эта цена еле окупает бензин, потраченный на поездку сюда. Наверное, впечатление от этого места с лихвой оправдывало все затраты, ведь когда ему еще представится посмотреть на подобное своими глазами? Я смотрела на кричащую роскошь, и в очередной раз не понимала, что я-то здесь делаю? Это было похоже на сон, который никак не заканчивается. Я вжалась в сиденье, моему, приросла к нему, потому как не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Глаза мои становились все больше, сердце скакало в груди, а краска сошла с лица, так что я была чуть живее товарища Ленина. Как же стало страшно! Господи, что я тут делаю? Что я тут делаю???

Машина остановилась, и кто-то открыл мою дверь. Появилась рука в белой перчатке, и я, совершенно не соображая, что делаю, подала свою руку. Меня бережно извлек из машины лакей, в красивой черной форме с вежливым лицом. Я смотрела на него и искала в его глазах немой вопрос: «Мадам, могу я помочь Вам? Очевидно, Вы перепутали входы – конюшня дальше по дороге и направо». Но вместо этого он молчаливо склонил голову и жестом указал мне подниматься по лестнице, что я и сделала. Лестница оказалась на редкость длинная, и пока я поднималась, с меня сошло семь потов. Я не смела даже головы поднять, не говоря о том, чтобы оглядеть идущих рядом со мной людей. И в сотый раз я прошла нецензурной руганью

по Сане и ее пригласительному – надо же было позволить затащить себя сюда. Неужели ее бы это не смутило? Вся эта роскошь, пафос, самолюбование? И поняла – Сашку не смутило бы. Сашка бы из колготок вон выпрыгивала, лишь бы поскорее зайти внутрь. Сашка, в своем дешевом пальто и платье, сшитыми в каком-нибудь подвале на коленке заботливыми руками беженцев из средней Азии, чувствовала себя так же, как все эти женщины в мехах и камнях. Сашка шла бы с гордо поднятой головой, и, как только я подумала об этом, откуда-то появилась смелость. Так, совсем немного, но ровно столько, чтобы хватило сил поднять голову и оглядеться. Честно говоря, я была совершенно уверена, что люди, идущие рядом со мной, должны смотреть на меня, как на прокаженную, словно я источаю бедность, как запах. Но все оказалось совсем наоборот – меня просто никто не замечал. Улыбающиеся, шикарные, дорого одетые, они скользили по мне взглядом, даже не задерживаясь на моей персоне, отворачивались и снова скользили взглядами по людской толпе. Они были слишком заняты собой. Я была здесь кем-то само собой разумеющимся, что само по себе странно. Я, грешным делом, подумала, что в вечернем свете мой наряд стал выглядеть дороже, ведь ночью все кошки серы. Я глянула на впереди идущую женщину – ее платье, по странному стечению обстоятельств, было таким же ярко-красным, как мое – потом снова оглядела себя. Ничего подобного! Оказывается, даже серые кошки могут быть серыми по-разному. Я была все в том же дешевом платье, и полумрак не только не скрывал, но и подчеркивал плохо продуманный силуэт, отвратительную отделку швов и бедность ткани. Мне стало стыдно, и я сделалась со своим платьем одного цвета.

На площадке перед распахнутыми входными дверями швейцар проверял пригласительные, и пока до меня дошла моя очередь, я миллион раз прокрутила в голове мгновение, когда он берет мой пригласительный, быстро пробегаясь по нему надменным взглядом и громко, отчетливо говорит, что мой билет недействителен – прошлогодняя подделка – и просит немедленно покинуть территорию. Как будут смотреть на меня люди, пока я, умирая со стыда, буду спускаться по лестнице вниз, с одним лишь желанием – провалиться сквозь землю, обязательно прихватив с собой Александру. И вот подошла моя очередь. Дрожащими руками я протягиваю прямоугольный кусок плотной бумаги, швейцар внимательно просматривает его, тратя на это половину моей жизни, и забирая его себе надменно, но с почтительным величием говорит:

– Доброго вечера, мадам. Желаю приятно провести ночь, – и жестом приглашает меня зайти внутрь.

Не помня себя от страха и смущения, я полетела вперед, еле сдерживаясь, чтобы не побежать галопом. Я просто слилась с толпой, идя в том же направлении, что и все, а потому совершенно не помню как добралась до того места, где пестрая толпа рассредоточилась, разбиваясь на пары и одиночки. Я подняла глаза и увидела огромный зал величиной с хороший футбольный стадион. Куполообразный потолок был так далеко, что при взгляде вверх кружилась голова. Все здесь было колоссальным и величественным – лестницы, арки, огромные картины, висящие на стенах, окна, задрапированные портьерами. Длинные лестничные пролеты, через равные промежутки, пересекали стены и заканчивались нишами, вроде огромных балконов, где полумрак был гуще и, очевидно, интимнее обстановка. И люди. Много людей. Три, может быть пять тысяч, трудно сказать на первый взгляд, но море людей наводнило все сверху донизу. Я затерялась в толпе, отойдя к ближайшей стене, и рассматривала, как женщины щеголяя красотой и ухоженностью, которая мне только снится, флиртуют с молодыми холеными парнями, вычищенными и разодетыми до блеска. От всего этого рябило в глазах. Они все, как один, были выше, стройнее, образованнее меня, сверкая белыми зубами, камнями и наручными часами, которые стояли, как квартира моих бабушки и дедушки. Повсюду сновали официанты с бокалами чего-то холодного, но, несмотря на то, что от волнения у меня пересохло в горле, подойти к ним я не решалась, а поскольку я, как ниндзя, слилась со стеной, то и они меня совершенно не замечали. Мне казалась совершенно нормальным простоять здесь пару часов, а потом незаметно улизнуть на волю. Но помимо того, что я была обязана соблести

элементарные правила приличия и постараться не выглядеть так, словно меня линчуют, стоит мне только выйти из укрытия, так у меня, ко всему прочему, было партийное задание от спонсора моего сегодняшнего позора – Александра взяла с меня обещание, что я найду того парня, который достал этот чертов пригласительный и от всей души поблагодарю его от ее имени, так как у Сани на это не было времени, а потом не представилось и возможности. Я, естественно, согласилась, и теперь жалела об этом.

Тем временем музыка, которая играла еле слышно и исключительно для фона, взяла на себя главную роль и грянула. Это было что-то джазовое, быстрое и заводное. Народ ожил, а кое-кто даже принялся приплясывать, несмотря на то, что вечер только начался, и люди были относительно трезвы. Приглашенные начали активно пользоваться услугами официантов и разговор полился. То, что начиналось, как легкий флирт, постепенно перерастало в очевидное влечение. Многие из тех, кто по моему примеру прятались в тени, начали выходить из укрытий и пытались вписаться в общий водоворот. Не у всех, но у многих это получалось. Преимущественно в зале были молодые люди, но встречались и люди весьма солидного возраста. Но молодых было гораздо больше, и все они смешались в яркую, пеструю толпу, которая шумела, танцевала, выпивала и один пытался перешеголять другого, неважно в чем.

Я выдохнула и шагнула в бушующее море, где каждый норовил толкнуть и наступить мне на ногу. Я лавировала между людьми, ища того, кто мне нужен. Сашка отписала его так подробно, что, кажется, я видела его своими глазами. Высокий, худощавый блондин с голубыми глазами. Он вообще очень похож на альбиноса, но брови и ресницы у него не белые, а светло-русого оттенка. В общем, парень очень красивый, а главное держится он так, словно он самого благородного в мире происхождения – статный, вежливый и манеры у него прямиком из божественного общества конца девятнадцатого столетия. «Ты легко узнаешь его. Он выделяется из толпы. Его невозможно не заметить», – сказала мне Сашка. Но пока я никого похожего не видела. Зато в поле моего зрения попался официант, и я с твердой решимостью перехватила его, когда он проходил мимо потому, как пить хотелось невыносимо. Он ослепительно улыбнулся мне и извинился:

– Прошу прощения, но остался только коньяк.

Я посмотрела на темно-коричневую жидкость в толстых, широких бокалах. В этот момент, совершенно непонятно почему, мне показалось глупым отказаться, и я сделала вид, что он-то как раз и был мне нужен. Схватила один и поблагодарила его. Тот кивнул и удалился, а я осталась стоять с коньяком в руках, размышляя, для чего он мне? Теперь-то я начинала понимать, что девушка в моем возрасте вряд ли подружится с таким крепким напитком. Наверное, выгляжу я весьма экстравагантно. Я поискала взглядом место, куда можно было поставить бокал, но ничего не нашла.

– Привет, – раздалось где-то над моим левым ухом.

Я чуть не завизжала, но вовремя спохватилась. Вместе с приятным голосом до меня донесся запах парфюма – нежный, пряный, с легким послевкусием табака, и я подумала, что кто бы это ни был, за один только запах я готова буду часами разговаривать с ним о чем угодно – погода, конные скачки, квантовая гравитация... Я повернулась и молча уставилась на человека, стоящего передо мной спиной. Сашка, даже будь у нее в голове весь, существующий на сегодняшний день в распоряжении человечества, словарный запас, не смогла бы описать его так, чтобы хоть на треть передать истинную суть – он был действительно очень красив, но в каком-то непривычном для меня формате. Он и правда был изящен, и это пожалуй, самое точное слово. Тонкий нос и губы, узкое лицо, голубые глаза и длинные светлые ресницы. У него была короткая стрижка и очень светлые, прямо-таки серебряные волосы, а кожа была настолько бледной, что имела какой-то сероватый отлив, но, как бы странно это не звучало, это не портило его а, скорее наоборот, придавало лицу какую-то заманчивость – очень хотелось ее потрогать. На нем был абсолютно белый костюм – фрак, рубашка, галстук. Странно, но выгля-

дело это сногшибательно, хотя мне казалось, что такое сочетание будет выглядеть пошло. Нет, это удивительно красиво. Он держался прямо, но не заносчиво. В его лице читалось любопытство и заинтересованность. Он был очень привлекателен, и по одному лишь взгляду я поняла, что он обаятелен и, скорее всего, умен.

Я осознала, что стою и пялюсь, а он терпеливо ждет, пока ко мне вернется самообладание. Не дождавшись, он заговорил:

– Саша сказала, что ты будешь меня искать, – он сделал глоток шампанского. – Я решил облегчить тебе задачу, – он посмотрел на бокал в моей руке. – Решила начать с коньяка? Смело...

Ко мне вернулся дар речи.

– Ну да, – сказала я так непринужденно, словно встретила соседку с третьего этажа. – Чего тянуть кота за... хвост? – и тут же, для убедительности, сделала маленький глоток. Мне показалось, что у меня во рту взорвалась атомная бомба, и взрывной волной мне выжгло язык, пищевод и желудок, а когда на глазах выступили слезы, я подумала, что возможно не выживу. Молодой человек смотрел на меня, и на его губах расцветала улыбка, до того обаятельная, что мне стало жарко (хотя, может это последствия коньяка). Он смотрел на меня со смесью сочувствия и удивления. Брови его поползли вверх, а потом он засмеялся. Протянул руку и забрал у меня бокал.

– Давай начнем с чего-то полегче.

Неизвестно откуда возник официант и забрал у него янтарно-коричневый яд, а у меня в руках появился тонкий, высокий бокал с шампанским. Я сделала большой глоток, и после коньяка мне показалось, что я пью минералку – кроме пузырьков я не почувствовала больше ничего. Видимо все вкусовые рецепторы просто выжгло.

– Полегче? – спросил он с искренним сочувствием.

Я, молча, кивнула. Тут откуда из-за его спины раздался радостный возглас, и красивая, молодая брюнетка подошла к парню и поцеловала его в щеку.

– Ваня... – произнесла она так нежно, насколько это позволяет присутствие постороннего человека. – Ванечка, здравствуй, дорогой! Как дела?

Он ослепительно улыбнулся ей и ответил, что все хорошо. Они перебросились еще несколькими, ничего не значащими, фразами и условились встретиться позже. Дама ушла, глядя на него с такой жадностью, что будь они одни, она попросту съела бы его. Он снова посмотрел на меня, я на него, и тут похоже, коньяк и шампанское добрались до моей головы, потому что говорить стало легко и просто, и я, не скрывая своих эмоций, вопросительно вскинула брови:

– Ваня?

Он кивнул.

– Ваня!? – повторила я, чувствуя, как мои губы сами по себе расплзаются в улыбке.

Он снова кивнул и улыбнулся. Мне показалось, или в глазах его мелькнула заинтересованность?

– Ты серьезно? Ваня?

– Ну да. Сам себе такое имя я бы точно не дал. Родители постарались.

Мы засмеялись одновременно. Я не знаю более неподходящего имени для человека, чей облик напоминает Леголаса из Властелина колец. Он это понимал и, видимо, относился к этому с юмором. Видимо, родители его те еще шутники. Когда мы перестали смеяться, я смогла перевести дух. Я посмотрела на него и вдруг увидела, что он рассматривает меня. В его глазах было что-то, очень похожее на любопытство, с легкой примесью интереса ко мне, как к девушке. Я засомневалась, но лишь на секунду, а потом отчетливо увидела все это снова. Я опустила глаза. Видимо одного глотка коньяка недостаточно, чтобы воспринимать такое внимание как само собой разумеющееся. Мне стало неловко, и он это заметил:

– Как там Саша и ее загадочная сыпь?

Я с благодарностью подняла на него глаза – нет более неромантической темы для беседы, чем чья-то сыпь.

– Отлично. Очень чешется и смотрится весьма экзотично.

– Передавай ей моё искреннее сочувствие.

Я кивнула. Он снова улыбнулся. Я тоже.

– Ты здесь впервые?

Я кивнула опять и сделала еще один глоток. Наконец вкус почувствовался. Есть надежда, что язык я не потеряла.

– Хочешь небольшую экскурсию?

Я смотрела на него и неистово заметалась по собственному сознанию. В конце концов, почему бы и нет? Он очень привлекателен, и мне будет приятно провести с ним какое-то время. К тому же, похоже, я его тоже, как минимум, не раздражаю. Сколько можно оплакивать свою несбывшуюся любовь? Пора заводить новые знакомства, пусть даже я и не планирую их продолжать. Я кивнула. Он протянул мне руку, и тут я увидела белую перчатку на его руке. Странно, но на второй ее не было. Только на левой. Это совсем не вписывалось в общий образ, но выглядело красиво и почему-то приковывало внимание. Я даже подумала спросить, где правая перчатка, но поняла, что не хочу этого знать. В чем бы ни была причина, мне эта деталь очень понравилась, и не хотелось бы развеять ореол загадочности какой-нибудь банальностью, вроде «забыл в машине». Я настолько увлеклась этой мелочью, что не сразу поняла, что он снова настойчиво предлагает мне взять его за руку. Я отрицательно мотнула головой, как осел, который не хочет идти в загон. Он улыбнулся:

– Я клянусь, что не вкладываю в это никакого интимного подтекста. Просто иначе мы потеряемся.

Я с сомнением посмотрела ему в глаза, потом на его руку, и снова в глаза. Он выжидающе улыбался. Его забавляло мое целомудренное упрямство, которое предполагало, что после того, как мужчина взял тебя за руку, можно смело выбирать подвенечное платье. Особенно забавно это выглядело на фоне той брюнетки, которая чуть не съела его глазами, и чьи намерения были настолько очевидны, что мне стало неловко за нее. «Господи, Лера, это всего лишь рука», – сказала я самой себе и протянула свою. Он крепко сжал мою ладонь, и мы побрели сквозь океан людей. Я пряталась за его спиной. Он так ловко лавировал между людьми, словно всю жизнь только эти и занимался. Я шла следом и совершенно не понимала, куда мы идем. И вот, что странно – с того момента, как моя жизнь перевернулась, я первый раз позволила кому-то вести меня за собой, не зная, куда идем и зачем. Я впервые доверилась кому-то.

– Осторожно ступени, – сказал Ваня.

Мы поднялись наверх и оказались в одной из ниш, что снизу казалась слишком интимной для «новых знакомых». Но оказалось, что сама ниша довольно большая и способна вместить, по меньшей мере, пятьдесят человек, поэтому об уединенности и речи не было. Ниша была построена полусферой. Вдоль всей стены стояли пышные диваны, а центре множество кресел и маленькие столики для напитков. Там царил полумрак, и было значительно тише, чем в общем зале, так что можно было спокойно разговаривать. Там была небольшая компания из молодых парней и девушек, которые даже не заметили нашего появления. Мы сели на самый крайний диван, чтобы можно было смотреть с балкона на тех, кто находился внизу. Сначала мы молча смотрели, как народ перемешивается в общем потоке музыки и алкоголя, а потом Ваня сказал:

– Смотри, – и показал рукой на пару в возрасте примерно пятидесяти пяти лет. Они медленно прохаживались по залу, здороваясь и общаясь с каждым, кто к ним подходил. А подходили к ним все время – непрерывным потоком люди сменялись перед ними, улыбаясь, пожимая руки. Они улыбались в ответ и были восхитительно терпеливы даже к тем, кто был

уже немного не в себе. Мужчина высок и, очевидно, в молодости был очень не дурен собой, я бы даже сказала красив. Женщина была еще удивительнее – у нее были светлые волосы, стриженные под каре и очень хрупкая фигурка, но больше всего удивлял большой нос картошкой – он, в буквальном смысле, выделялся на круглом лице, но странным образом он совершенно не портил свою обладательницу. Наоборот, с ним она получала какую-то, совершенно непонятную, притягательность. Он абсолютно не сочетался с женственными ртом и красивыми голубыми глазами, но оттеняя их, он делал лицо своей хозяйки удивительно мягким, нежным и привлекательным. На нее хотелось смотреть не отрываясь. – Это хозяйева приема. Знакомься, Игорь и Наталья Лемм.

Чтобы я могла нормально слышать, моему новоиспеченному эльфу пришлось наклониться почти к самому моему уху, и его дыхание прошло по моей коже легкой волной. Я посмотрела на него и, к своему стыду поняла, что краснею. Он заметил это и улыбнулся:

– Мне немного непривычно видеть краснеющую даму. Тут немного найдется таких, кто еще помнит, как это делается. Но перестань реагировать так, на каждое мое движение. Честное слово, я не нарочно. Просто так получается. Само собой.

Я кивнула, примирительно улыбнулась, и мы вернулись к изучению людей.

– Где-то тут же должен быть их сын, – продолжил Ваня. – Увижу, обязательно покажу.

– Единственный ребенок?

– Да. Вот это, – он указал на толстого, низенького мужчину, лет шестидесяти с огромной лысиной, в клетчатом костюме. – Их семейный врач. Очень важный человек. Такого врача еще поискать. Талантливый, опытный, но очень много пьет. Вон там, – он показал мне женщину с темными, почти черными волосами, стянутыми в простой пучок и в очень скромном платье. – Сестра Натальи, Ольга. Хорошая женщина. Добрая. О! Вон смотри, – и он беззастенчиво показал пальцем на трех роскошных девушек, старше меня лет на пять. – Это главные охотницы за рукой, сердцем и состоянием сына хозяев.

Девушки были красивы, дорого и со вкусом одеты, и все время держались втроем, не отходя друг от друга ни на шаг. Странная тактика, если учесть, что цель у них одна. Но мысленно я позавидовала тому мужчине, которому достанется любая из них – девушки были действительно прекрасны.

Еще долго мы сплетничали о людях, находящихся внизу. Ваня был интересным рассказчиком, и с чувством юмора у него было все в порядке. Мы говорили, не замолкая ни на минуту, много смеялись и это притом, что те два бокала шампанского на двоих были единственными алкогольными напитками в этот вечер. Он знал абсолютно всех, за редкими исключениями, но даже там, где он ничего не мог рассказать, он угадывал по лицу, одежде, мимике и поведению. И самое интересное, что я верила ему, так как он легко подтверждал свои гипотезы фактами. Он прекрасно читал людей. Тем более было странно, чем заинтересовала его я – меня даже читать не нужно, все на лбу написано. Это немного озадачивало, но, честно говоря, слишком льстило моему самолюбию, чтобы углубляться в детали. Время от времени я засматривалась на изящный силуэт и тонко скроенные черты лица. Он и правда очень красив. И тут я поняла – он мне нравится. Меня словно громом поразило, и видимо это отразилось на моем лице, потому что он озадаченно спросил:

– Ты в порядке? В лице изменилась. Нехорошо?

– Нет, нет. Нормально все. Просто... Нормально все, в общем.

Он внимательно смотрел на меня, а я поспешила отвернуться, а потому не знаю, догадался он о чем-то или нет. Но отвернувшись, я еле сдерживала улыбку. Знаете, это как проснуться ото сна – долгого и неприятного, открыть глаза и понять, что кошмар, который только что мучил тебя, наконец, закончился, что на самом деле все прекрасно, а те ужасные месяцы, что ты провела в небытие, просто приснились и никогда не существовали на самом деле. Я почувствовала себя живой. Даже дышать стало легче, как будто камень свалился с

души, и я мысленно поблагодарила Сашку, что та заставила меня сюда прийти. Пусть этот вечер для нас ничем не закончится, как, скорее всего и будет, но зато теперь я знаю, что на Владе свет клином не сошелся. Я умею, я могу тянуться к другим, и это замечательно. Странно, но имя Влада, возникшее в моей голове, прозвучало тихо и приглушенно, словно спряталось, скрылось, начало таять в моем воспаленном мозгу. Новый человек, пусть и временно пришедший в мою жизнь, хоть и не перечеркнул прошлое, но показал, где начинается новая строка.

Тут заиграла нежная мелодия, грустная, но прекрасная.

– Итак, Валерия, – сказал Ваня тише, чем говорил до этого. Я повернулась к нему и посмотрела в голубые глаза, в обрамлении длинных ресниц. – Главная интрига этого вечера заключается в том, чтобы выяснить танцует ли мы сегодня? – он посмотрел на меня так, что я покраснела, запуталась в собственном языке и смогла лишь многозначительно вздохнуть. Он улыбнулся. В считанные доли секунды, находясь среди огромной толпы, мы остались совершенно одни. Он смотрел на меня, я на него. Звуки утонули, люди превратились в фон, и мне казалось, что сейчас он наклонится совсем близко к моим губам... Внезапно, совершенно из ниоткуда, появилась та самая брюнетка с замашками начинающего каннибала, и, крича что-то заплетающимся от алкоголя языком, вцепилась в Ваню мертвой хваткой.

– Вот ты где! А я тебя везде ищу... – на нас пахнуло коньяком.

Ваня поднял на нее глаза, и я увидела, на сотую долю секунды, как голубые глаза сверкнули красным, пронзая девушку ничем не прикрытой злобой, но ровно через мгновение, его взгляд снова стал вежливо-внимательным. Будь она трезвая, она бы заметила, и, думаю, опомнилась бы, но выпитое начисто отбило у нее возможность видеть что-то, кроме того, что ей хотелось бы видеть. Она восприняла это, как всепоглощающую страсть, и силой потянула его на себя, поднимая с дивана. Он попытался было отказаться, сначала вежливо, потом гораздо грубее, но остановить подвыпившую даму, которая наметила свою цель все равно, что вставать перед танком, идущим на полном ходу. Дальше ему оставалось только применить грубую физическую силу, чтобы отказаться от танца, а этого он позволить себе не мог, поэтому он уступил. Прежде чем уйти, повернулся ко мне и сказал:

– Пожалуйста, никуда не уходи. Я отведу ее в бар и сразу же вернусь. Три минуты, не больше.

Я кивнула, хотя, что еще мне оставалось? Не вступать же в схватку с женщиной на голову выше меня и основательно мотивированной. Они скрылись из виду. Я смотрела, как внизу безликая человеческая масса превращается в пары, кружащиеся в танце. Музыка спутала людские руки, и уже не было слышно гомона множества голосов, только музыка. Я поняла, что этот танец мне суждено провести в одиночестве.

Три минуты прошло. Закончилась одна мелодия и плавно перешла в другую, такую же медленную, как и предыдущая. Очевидно, Ваня не смог совладать с брюнеткой, и вынужден был задержаться. Я искала их в толпе, но не видела никого, даже близко похожего на них. В конце концов, я решила, что у меня нет права собственности на моего нового знакомого, а потому и обижаться на кого-то из них, я у меня не было никаких оснований. Хотя, на самом деле было безумно обидно! Я расстроилась, что уж тут говорить. Мне казалось, что она испортила что-то настолько личное, или что-то, что могло превратиться в очень личное. Что-то нежное, почти невесомое...

Я поднялась с дивана и пошла сквозь толпу. Мне казалось, что народу стало вдвое больше, чем было. Откуда здесь столько людей? Я шла, совершенно не разбирая дороги. Подняв голову, я поняла, что ниши соединены между собой балконами-переходами, и, выйдя из одной ниши, я легко попала в другую. В соседней нише тоже было много народу, и все они смеялись, пили, пели, танцевали. Я старалась оставаться незамеченной, что легко мне удавалось. Не поднимая головы, я обходила людей, пытаюсь никого не задеть, как вдруг до моего уха

донесли слова, которые заставили меня остановиться – какой-то мужчина, тяжелым басом и интонацией старого, закадычного друга, заголосил:

– Ирина, позвольте представить Вам моего старого приятеля. Знакомьтесь, Лемм Владислав Игоревич.

Я лишь успела удивиться тому, как забавно складываются события – мне представилась возможность увидеть сына достойных родителей и, по совместительству, завидного холостяка, судя по Ваниным рассказам. Мне стало любопытно, но прежде, чем я успела поднять голову, низкий, бархатный голос, знакомой вибрацией прошелся по моей коже... Сердце взорвалось прежде, чем сработала голова, и меня обдало горячей волной собственной крови, нещадно сжигающей мои вены, воздух исчез, словно вокруг меня образовался вакуум и я начала задыхаться, а в живот, словно воткнули горячий штопор и немилосердно проворачивали его. Мое собственное тело жгло меня, и мне было так больно, как не было ни разу за весь этот год. Поднимая голову, я уже знала, кого я увижу, но я должна была, просто обязана убедиться в том, что это он. Должна увидеть собственными глазами. И когда я, наконец, подняла глаза, увиденное вырвало из меня приглушенный стон – стройное, высокое тело, в привычной вальяжно-надменной позе, грубые, красивые мужские руки, правильной формы нос, полные губы, ослепительно белые, ровные зубы, темные волосы, но теперь коротко стриженные, и глаза – самые синие, самые чистые, самые бездонные... Мой Влад сидел между двух красивых женщин, чьи руки оплетали его, словно стебли плюща. Он тоже обнимал их, холодно, беззащитно и совершенно равнодушно, словно две диванные подушки. Он улыбался, смеялся, говорил, пил и был так же восхитителен, обаятелен и красив, как и тогда, когда я, своими руками разрывая в клочья собственное сердце, оставила его в замке, в последний, четвертый раз. Он сидел в окружении огромной компании, мужчин и женщин, молодых, красивых, дорогих, как и всё, что окружало его в этой жизни. Удивительно, как же все оказалось просто – сын одной из самых богатых и влиятельных семей нашего города. Никакой романтики. Я смотрела, как он флиртовал с каждой женщиной, на которую падал его взгляд, как они таяли под темной синевой восхитительных глаз, как любовались всем тем, что когда-то, пусть и недолго, было МОИМ. МОЙ Влад. МОЙ Граф... Одиноким до сумасшествия? Как бы не так! Здесь его окружали люди, деньги, связи, и миллион дорог открыты перед ним, стоит лишь захотеть. Здесь во мне нет необходимости, потому что здесь не от чего спасать. Я заплакала. Тихо, горько слезы катились по моим щекам. Так вот ты какой, Владислав Игоревич – холеный, пьяный, избалованный... Господи, до чего же больно! Я не в силах отвести глаз, смотрела, как толпа забавляет, развлекает его, а он снисходительно позволяет восхищаться собой. Они смеются над шутками, которые мне не понять, они без тени смущения касаются друг друга, словно близки сто лет. А по моему телу, горячими волнами пробегала боль, и я все никак не могла оторваться от него, и все говорила про себя, словно молитву: «Он счастлив, ему хорошо, а это главное». Ведь я же хотела, чтобы он ни в чем не нуждался – он не нуждается. Я хотела, чтобы у него было все, чего он пожелает – у него есть все. Я хотела, чтобы одиночество больше никогда не поджидало его за дверью – оно и не ждет. Так что же мне еще нужно? Все сложилось, как нельзя лучше. Так почему же мне никак не удается радоваться тому, что мои желания сбылись? Я обязана сказать спасибо судьбе и убраться восвояси. Я должна благодарить Бога, что он позаботился о нем. Спасибо, Господи. Спасибо! Только теперь, Господи, позаботься и обо мне – сделай так, чтобы мне больше никогда не страдать по нему, чтобы не просыпаться среди ночи, рыдая и захлебываясь собственной болью, чтобы он больше не мерещился мне в каждом прохожем и не снился каждую ночь. Господи, мне нужна самая малость – просто дай мне забыть его. Больше ничего не хочу. И в ту секунду, когда я сделала шаг назад, чтобы уйти, он поднял глаза и посмотрел прямо на меня. Мгновение – и не стало никого кроме нас двоих. Время застыло. Мы смотрели друг на друга, и сотые доли секунд медленно перетекали друг в друга, а в моей голове огнем горел один единственный вопрос – помнишь ли ты меня? Умоляю, скажи, что ты

помнишь меня! Больше мне ничего от тебя не нужно. Я слышала стук своего сердца, бьющего меня изнутри, смотрела в его глаза и...

Он узнал меня! С лица медленно сползла самодовольная улыбка, глаза удивленно округлились, а взгляд скользил по мне, узнавая каждую черточку, каждый изгиб, каждый штрих. Прекрасное лицо стало бледным, и еще отчетливее проступили три белых шрама на щеке и шее, рот открылся в безмолвном вопросе, и только частое дыхание выдавало, нахлынувшее... отчаянье, боль, смущение? Или это просто удивление, смешанное с алкоголем? Я смотрела на него и никак не могла понять, что же творится в его голове. Никогда не умела читать по лицам, и сейчас это сводило меня с ума. О чем же ты думаешь?

Резко и громко окружающий мир обрушился на меня – звуки и голоса стали невыносимо громкими, полумрак ярким до слепоты, и бесконечное людское море не давало свободно дышать. Я зажмурилась, стиснула зубы, но успела увидеть, как Влад одним рывком поднялся с дивана. Тут я развернулась и побежала. Куда бежать было не важно, лишь бы подальше отсюда, а потому я совершенно не разбирала дороги. Я летела, наталкиваясь на людей, извиняясь и путаясь в собственном платье. Мне казалось, что из этого чертова купола просто нет выхода. Все ориентиры спутались, и я уже не помнила, даже примерно, в какой стороне выход. Я, как аквалангист, который, израсходовав весь запас воздуха, в панике поднимался вверх, не понимая, где этот верх находится. На ходу вытирая слезы, я бежала, проклиная все на свете. Надо же! Именно в тот день, когда мне показалось, что судьба смиростивилась надо мной, снова появляется он и ломает все, что я выстраивала долгие месяцы – самообладание, смирение, тщательная маскировка собственных чувств – целый год самодрессировки вспыхнул, как сухой порох, оставив лишь запах гари, возвращая меня к началу, к тому, чем я была год назад – забитым зверем, скулящим и трясущимся от боли.

Кто-то сильно врезался в меня, и мне пришлось поднять глаза, чтобы понять, куда меня занесло. Я все еще была на балконах, и нужно было как-то спуститься. Не сбавляя темпа, я искала глазами лестницу, как вдруг увидела Ваню. Он был довольно далеко, но тоже увидел меня, махнул рукой и двинулся мне навстречу. Слава Богу, появился ориентир, и теперь я могла различить верх и низ. Я смотрела на тонкое белое лицо, которое улыбалось мне, и прибавила шагу. Но внезапно за моей спиной бархатный голос заговорил, так близко, что по спине пробежали мурашки:

– Не так быстро, моя хорошая, – и Влад резко схватил меня за руку, до боли сжав мою ладонь, и потащил меня в другом направлении. Я лишь успела увидеть, как удивленно вытянулось лицо моего новоиспеченного эльфа.

Влад шагал очень быстро, таща меня за собой как тряпичную куклу. Нежно и деликатно, со всей вежливостью хозяина вечера, он быстро проталкивался между людей, поминутно извиняясь и улыбаясь, при этом так больно сжимал мою руку, что я еле сдерживалась, чтобы не закричать. Он шел настолько быстро, что я не успевала за ним, и мне приходилось бежать. Вроде бы я даже что-то крикнула ему, но он не слышал или не слушал меня. Мы летели мимо людей. Я совершенно перестала понимать, куда мы идем, но видела, что балконы сменились широкой антресолю, которая тянулась по всей длине стены, и заканчивалась тупиком, то есть упиралась в стену. Только сейчас я увидела, что вдоль стен стоят крепкие мужчины в черных, строгих костюмах, с абсолютно не проницаемыми лицами – охрана. Когда мы долетели до тупика, где стоял один из охранников, Влад тихо и отрывисто сказал ему:

– Ко мне никого не пускать! – охранник тут же откликнулся коротким «Понял» и отодвинулся в сторону. В стене оказалась дверь, скромная, сливающаяся со стеной. Влад толкнул ее, и мы очутились в слабоосвещенном, узком коридоре. Как только дверь закрылась за нами, стало абсолютно тихо. Не говоря ни слова, Влад по-прежнему продолжал тащить меня за собой, в ничем не прерываемой тишине. Даже звук шагов приглушал тонкий ковер под ногами. Тут было чисто, дорого, как и во всем доме, Стены, покрытые какой-то дорогой материей, были

абсолютно голы, свет шел откуда-то из-под потолка. Коридор закончился лестницей, по которой мы взлетели, и, пропустив еще один этаж, оказались на третьем. Там такой же коридор, но гораздо короче, упирался в тяжелую деревянную дверь. Влад открыл ее, и мы оказались в кабинете. Тут была скромная, по меркам этого дома, обстановка – стол, кожаное кресло, ноутбук, и книжный шкаф во всю заднюю стену. Единственное окно было настежь распахнуто, и тут было чертовски холодно. Влад сразу же закрыл его, но пока комната не нагрелась, я дрожала как в припадке, а он стоял и смотрел на меня. Он не предлагал мне что-то, чем можно было накрыть плечи, а просто равнодушно осматривал с ног до головы, глядя, как меня трясет. Видимо, ему нравилось смотреть, как мне, так или иначе, было плохо. Странно, откуда в этом человеке столько наслаждения от моего страдания? Я решительно запретила себе дрожать, тело послушалось, да и в комнате очень быстро становилось тепло. Я смотрела на любимое лицо и тщетно пыталась понять, что происходит в его голове. Мы стояли и молчали. Он все разглядывал меня, словно желая убедиться, что это действительно я. Не было в его взгляде ни злобы, ни ненависти, которая так явно сквозила в том, как больно он сжимал мою руку по дороге сюда. Он облокотился о стол и смотрел мне в глаза, медленно обводил взглядом мое лицо и губы, скользил по плечам, и мне должно бы было стать неловко от такой профессиональной, годами оттачиваемой практики и ничем не прикрытой, натренированной порочности в его взгляде. Но меня это только разозлило. Кого ты пытаешься обмануть? Я видела тебя не только таким. Не забывай, кого ты просил никогда не оставлять тебя одного! Видимо все это отразилось на моем лице, потому что Влад отвел глаза и уставился на темную столешницу:

– Как ты здесь оказалась? – голос его был тихим и спокойным. Нет, он определенно не злился. Я помню, как он злится, помню, как не умеет этого скрывать, даже когда очень старается. Сейчас он был спокоен. Но больше всего меня позабавило, как повторяется история – огромный замок, надменный Влад, и извечный вопрос «Что я тут делаю?»

– Случайно, – сказала я, и услышала знакомый смех, болью прокатившийся по мои нервам. Господи, как же я по нему скучала...

Влад поднял на меня глаза, в которых светилась неподдельная улыбка.

– Где-то это уже было.

Я кивнула. Повисло молчание. Мы смотрели друг на друга. Сейчас в его глазах не было ни надменности, ни холода, просто он никак не мог отвести от меня взгляд, но о чем он думал, я не знала. Я же просто стояла и чувствовала, как меня ломает, как звенит каждая косточка от любви, как все мое существо непреодолимо тянется к нему, как намагниченное. Запах его кожи, тепло его тела и неповторимый тембр голоса – все это я знала наизусть и безошибочно воссоздала бы, будь такое возможно. Но сейчас я боялась даже шагнуть в его сторону. Когда-то меня не пугала возможность погибнуть от его руки, а сейчас я не могу пошевелиться, просто потому, что тому, что я вижу в его глазах, я никак не могу подобрать слово. Он заговорил первым:

– Я тщательно следил за тем, кому достанутся пригласительные, – он поднял на меня синие, бездонные глаза. – Я знал, что один из них достался твоей подруге, но, знаешь, был абсолютно уверен, что она ни за что на свете не отдаст его тебе. Уж слишком она...

– Подожди, подожди... ты что, все это время знал, где я? Знал, как меня найти? – я почувствовала, как мой желудок ухнул вниз.

Он отвел глаза, потом снова посмотрел на меня холодно и равнодушно, и кивнул, и в этот раз я читала все отчетливо, но не смогла сдержаться от глупого вопроса.

– Так почему же ты не пришел ко мне? – спросила я тихо, и тут же пожалела об этом. Одно дело догадываться и строить гипотезы, ни на чем конкретно не основанные, и совсем другое дело услышать страшные, колющие, холодные слова...

– Не захотел, – ответил он, глядя прямо и беззастенчиво.

Сволочь! Бесчувственная скотина!!! Разве можно так? Внутри меня все провалилось. Огромный костер вспыхнул где-то за сердцем, сжигая все, что есть во мне, превращая меня в бесплотную оболочку, останки человека, кожу, без плоти, под которой осталась лишь пустота. Призрак. Ненавижу! Ненавижу... Слез у меня больше не осталось, а потому я просто стояла и смотрела, как он опускает глаза, но не потому, что ему больно смотреть на меня, а потому, что стало откровенно скучно. Вижу, что ни один мускул не дрогнул на его лице, не сбилось дыхание, не дрогнула рука. Смотрю и понимаю – ему и правда все равно. Внезапно на меня напала совершенная апатия. Где-то читала, что у тела есть пропускной механизм боли – определенный порог, превышение которого влечет необратимые изменения в организме или смерть от болевого шока, и тогда, как один из вариантов самосохранения, тело отключается, и, либо теряет сознание, либо впадает в протрацию. Со мной случилось последнее. Разум мой, наконец, сжалился надо мной, и выключил боль. Правда вместе с болью он, похоже, отключил и все остальное, потому как я заметила, что не понимаю, стою я или сижу. Я словно висела в воздухе, не чувствуя совершенно ничего. Видела, как шевелятся его губы, слышала слова, но смысл их доносился до меня с огромным опозданием:

– Не подумай, что я неблагодарная сволочь. Я знал, что ты жива и здорова. Знал, что ты прекрасно справляешься с... с учебой, домашними делами и решил... – он задумался, подбирая слово, и при этом не глядя мне в глаза.

– Что решил? – услышала я свой собственный голос, откуда издаleка.

– Решил не трогать тебя. Оставить все как есть, – короткий взгляд на меня и снова он рассматривает столешницу. – Ты молодец. Хорошо учишься. Учителя считают – у тебя прекрасный потенциал.

Господи, что он несет? Учителя? Потенциал? Бред какой-то...

– Тебе светит стипендия губернатора, знаешь об этом?

Я молча повертела головой.

– Там еще, конечно, очень много претендентов, но если хочешь, я могу поговорить кое с кем...

– Не хочу, – услышала я снова глухой и безжизненный голос, который отдаленно напоминал мой. Он кивнул и снова продолжил говорить совершеннейшую бессмыслицу, а я стояла и думала, можно ли убить человека дважды? Можно ли растоптать его, сравнять с землей, сделать из него куклу без желаний, без интереса к жизни и себе, без ощущений, и когда, казалось бы, я уже совсем не живая, так, ходячий труп, ударить снова, да так, что я чувствую себя еще более мертвой, чем год назад. Разве можно быть мертвее мертвого? Сколько можно убивать меня? Сколько Я могу позволить ему? Где мой предел? Где же эта чертова точка невозврата, в конце концов? Когда же я переступлю Рубикон и стану такой же свободной, как он?

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я. Еще не понимая, что я буду делать дальше, я повернулась и шагнула в сторону двери.

– Подожди, – сказал он, престав, наконец, нести чушь. – Я хотел сказать тебе...

Я подняла на него глаза. Он смотрел и думал, подбирая слова, но ничего не приходило на ум – все не то, все не о том. Мучился, бедняга. Мне было совершенно не жаль его. Если уж мне перестало жаль себя, то его-то чего жалеть?

– Я очень рада, что у тебя все хорошо.

Он внимательно посмотрел на меня. Что-то мелькнуло в его глазах, но я уже ничего не понимала, или не хотела понимать. Он кивнул, а потом, подумав еще немного, сказал совершенно не то, что собирался сказать:

– Спасибо, что вернула меня в реальный мир.

Я кивнула и вышла за дверь.

Все, что произошло потом, я помнила лишь отрывками. Вот я в бальном зале на одном из балконов. Вечер продолжается, люди пьют и танцуют, музыка льется отовсюду, как вдруг

я уже внизу, прохожу мимо столика с закусками. Мимо проходит официант, предлагает шампанское, я отрицательно мотаю головой. В следующее мгновение я уже одета в пальто и подхожу к выходу. Двери открываются, тот же мужчина, что проверял билеты, желает мне спокойной ночи. Я киваю, и вроде даже говорю что-то. За моей спиной закрываются двери, и холод пронзает меня, но мне не холодно. То есть, тело мое среагировало, и я понимала, что мерзну, но никакого дискомфорта не чувствовала. Просто еще одна лишняя информация для моего выключенного мозга. Я спустилась по ступенькам, совершенно не ощущая их под ногами, и пошла по дороге в сторону выходных ворот. Где-то в голове, на заднем плане мелькнула мысль, что надо бы вызвать такси, но почему-то я сразу отмела ее как невозможную. Не знаю почему, мне показалось, что такси не приедет за приведением. Что оператор, подняв трубку, не услышит меня. Что любая проезжающая мимо машина просто не увидит меня, а потому не остановится. Вот я уже вышла на дорогу, и брела по обочине, даже не понимая, в ту ли сторону я иду. Какая собственно разница? Голова моя была пуста. Ни одной мысли, ни одного желания. Мне было все равно. По дороге ехали машины, шелестя шинами, светя фарами, закручивая поток холодного воздуха за собой, где-то истошно гудел клаксон. Кругом была ночь, холод, снег, я утопала во всем этом. Я могла бы идти так вечно, сколько хватило бы сил. Снова на заднем плане мелькнула мысль о том, что люди замерзают насмерть и при более высоких температурах, а уж при тридцати ниже нуля легко отморозить конечности уже через полчаса. Но меня и эта мысль не сильно заинтересовала. Снова где-то гудит автомобиль. Я шла в туфлях на каблуках, и мои ноги проваливались в снег почти по щиколотку. Странно, совсем не холодно, но почему-то вспомнился кадр из какого-то фильма, где женщина шла зимой по улице в туфлях. Тогда мне казалось это безумством, а сейчас... вроде и ничего.

Вдруг кто-то схватил меня за плечи:

– Лера! – кто-то повернул меня. Я подняла глаза – передо мной было знакомое лицо, но я никак не могла сообразить, где я его видела. – Лера, ты вся дрожишь! – кричит мне человек. Я оглядела себя, посмотрела на руки. Правда, дрожу. – Быстро в машину! – кричит человек и тащит меня к обочине, где припаркована черная легковушка. Я не разбираюсь в машинах, но мне понравилась эмблема на капоте – буква «В» в круге, с крылышками по бокам. Очень миленько.

Меня запихали на переднее сиденье, дверь бесшумно закрылась, и меня окутало теплом. Тело оживило и задрожало, да так неистово, что зуб на зуб не попадал. Слева открылась дверь и кто-то сел на соседнее сиденье. Дверь закрылась, в машине стало темно. Кто-то набросил мне на плечи что-то теплое, обнял меня и прижал к себе. Кто-то шептал мне, что все будет хорошо, и сейчас станет тепло. Я слушала эти слова под звон собственных зубов, но мне верилось, что теперь так и будет. Постепенно тепло проникало под кожу, пробиралось по венам вверх, вниз, внутрь, заставляя мое тело успокоиться. Не знаю, сколько времени прошло, когда я подняла голову и посмотрела на того, кто крепко прижимал меня к себе – рядом со мной сидел эльф, весь в белом, с голубыми глазами, длинными ресницами и тонкими губами. Ваня посмотрел на меня. Мы были так близко, что его дыхание теплом ложилось на мою щеку.

– Живая? – спросил он.

Я кивнула.

– Знаешь, ты не обижайся, но с головой у тебя, по-моему, нелады.

Я засмеялась. Тихо, хило, но все же искренне.

– Ничего смешного. Ты вообще, о чем думала? Ты собиралась идти домой пешком? Ты где живешь?

Я сказала ему адрес.

– Ага... – задумчиво произнес он. – Ты ведь знаешь, что на машине туда минимум час езды?

– Полтора, – прошептала я.

– Смотря как ехать. Но не суть. Я тебя видел в зале. Откуда ты знаешь Влада?

– Ниоткуда, – быстро ответила я. Ваня понял, что говорить об этом я не намерена.

– Ладно... Я звал тебя. Когда ты пошла в гардероб, я докричался до тебя. Ты повернулась, посмотрела на меня, но даже не остановилась. Думал, ты обиделась на меня. Побежал за тобой, но ты оказывается очень быстрая. Пока пальто забрал, выхожу на улицу, тебя нигде нет. Хорошо, что машину быстро пригнали. Я тебе гудел. Ты не слышала?

Я вспомнила, как кто-то где-то гудел, но не знала, что это было адресовано мне. Я отрицательно помотала головой.

– Сумасшедшая... – сказала он и замолчал.

Мы сидели в тепле, темноте и тишине, наслаждаясь тем, что в данный момент, в данную минуту, именно в эту секунду мы есть друг у друга.

– Как там твоя брюнетка? – спросила я, почему-то шепотом.

– Какая?

– Любительница танцев и коньяка.

– А... Любовь к коньяку победила любовь к танцам.

– Как она?

– Не знаю. Моего благородства хватило только на то, чтобы посадить ее в такси.

– Ну, лучше, чем ничего.

Мы снова замолчали. Меня уже не трясло.

– Я согреюсь, – тихо сказала я. Ваня молчал. Я подумала, что он не услышал, и сказала чуть громче. – Я уже...

– Да слышал я. – сказал он тихо. – Могла бы и промолчать.

Я почувствовала, как неловкость заливает краской мое лицо, и улыбнулась. Ваня вздохнул и отодвинулся от меня:

– Есть хочешь?

Я кивнула. Он кивнул мне в ответ, включил передачу и выехал с обочины. Дорога зашуршала под колесами. Мы быстро набрали скорость.

– Радио? – предложил Ваня.

– Нет, спасибо. Я наслушалась музыки на сто лет вперед.

Он снова кивнул, и мы поехали в тишине.

За окнами мелькали деревья. Я смотрела в окно и думала, как странно меня сегодня лихорадит от одного человека к другому. Один темный и жестокий, другой белый и добрый. Классика жанра – черный принц, белый принц. Удивительно, но еще несколько часов тому назад, жизнь моя протекала без каких либо принцев вообще, и физически самая тесная близость с посторонними людьми у меня была с кассирами в ближайшем супермаркете. А теперь я в тепле и комфорте, с человеком тонкой, изящной красоты, который спас меня от холодной смерти. Вдруг я вспомнила Влада – стройный, высокий, безумно, удивительно красивый, ему очень идут короткие волосы... По внутренностям пробежала судорога, и снова вспыхнуло пламя. Затошнило, стало тяжело дышать.

– Ты как? – спросил Ваня, поглядывая на меня. – Побледнела. Плохо?

– Нет, нет. Все нормально.

– Точно?

Я кивнула.

– Спасибо тебе, большое, – сказала я после короткой паузы.

Он все еще хмуро посматривал на меня, но после моих слов, на его губах расцвела улыбка. Он застенчиво отвернулся и посмотрел в свое окно.

– Что ты любишь из еды?

– Булочки, – сказала я, понимая, что с ним я вряд ли снова зарыдаю над сдобой и чашкой кофе.

Глава 2. Дорога домой

Сашка никак не могла усидеть на месте. Ее вертело по всей комнате, которую она уже исходила вдоль и поперек. Она посидела на всех горизонтальных поверхностях и заглянула во все шкафчики, пока я рассказывала ей свою, поистине невероятную историю. Она все сильнее и сильнее открывала глаза, и в какой-то момент мне захотелось подставить ладошку, чтобы ее глазки не выпали из обложки. Пятна ее уже почти прошли. Действительно, было бы чертовски обидно за даром потерянный пригласительный, если бы он таким чудесным образом не преобразился во что-то удивительное.

– Вы целовались? – жадно спросила она меня.

– Нет, конечно.

– Конечно! Валерия, вы недоженщина. – констатировала она.

– Александра, я с Вами абсолютно согласна.

– Зря согласилась. Я бы столько интересного могла тебе возразить...

– Не надо.

– Так чем же все закончилось?

– Ничем. Мы заехали в кафе, и выпили кофе с булочками. Потом он отвез меня домой.

Мы попрощались.

– А телефон?

– А что с телефоном?

– Он взял твой номер.

– Нет. Зачем? Мы не планируем больше встречаться.

– То есть как?

– Вот так.

– Ты полагаешь, что он возил тебя на другой конец города исключительно из благородства?

– Получается что так.

Сашка сверлила меня взглядом. Ей казалось, что я что-то ей недоговариваю, но мне нечего было добавить. О номерах действительно не зашло и речи, и честно говоря, меня это не расстроило. Даже если мы больше никогда не увидимся, уже того, что он сделал, вполне достаточно, чтобы я до конца жизни вспоминала о нем с благодарностью.

– Ладно... – протянула она, хитро щуря глазенки. – Чай пить пойдем?

Я кивнула. Мы пошли на кухню. Надо сказать, что даже у нее в гостях чаем всегда занимаюсь я, потому как это верх моего кулинарного таланта. И к своему собственному удивлению, сегодня я с удовольствием заварила самый обыкновенный черный чай.

Когда я возвращалась домой, было уже темно. Непривычно, что в пять вечера уже ночь, но мне нравилось идти по заснеженной, темной дороге, освещенной фонарями. Периодически Влад всплывал в моей голове, но воспоминания о нем приносили физически ощутимую боль, поэтому я гнала эти мысли прочь. Странно, но о Ване я не вспоминала вообще, и поймала себя на этой мысли только когда подошла к дому, и только потому, что около моего подъезда стояла машина как две капли воды похожая на ту, что принадлежала моему эльфу. Когда до нее оставалось несколько шагов, дверь открылась, и Ваня вышел из машины.

– Привет, сумасшедшая, – сказал он улыбаясь.

Я улыбнулась ему.

– Привет. Что ты тут делаешь? – сказала я, подойдя к высокому блондину, любясь прекрасной улыбкой.

– Заехал узнать, не свалила ли тебя простуда.

– Нет. Живее всех живых.

– Я ненадолго. Посидим в машине?

Я согласно кивнула, обошла машину и села на пассажирское сиденье. Пока Ваня усаживался в водительское кресло, свет в салоне горел, и я успела заметить, что выглядит он не очень. Коже, которая до этого итак была белее снега, будто стала тоньше и прозрачнее, а худое лицо выглядело усталым и осунувшимся. Он не выглядел плохо, и все еще источал безумную привлекательность, но был заметно хуже, чем вчера. Дверь закрылась, свет погас.

– Ты-то как себя чувствуешь? – спросила я его, когда он уселся поудобнее.

– Я? Нормально. Это же не я вчера в летних туфлях рассекал сугробы.

– Выглядишь не очень.

– А ты сама деликатность.

– Ну, прости. Из песни слов не выкинешь.

– Просто устал немного, поэтому ненадолго, – он посмотрел на меня и улыбнулся, прекрасно зная, какой эффект это производит на меня. – У меня для тебя кое-что есть, – он достал что-то из кармана пальто. Вещица быстро сверкнула в скудном свете фонарей, люющих тусклый свет через лобовое стекло. Он положил это в мою ладонь так быстро, что я не успела рассмотреть, что это было. Небольшое, со спичечный коробок и гладкое, как стекло. – Положи это в карман, а то забудешь.

Я послушно сделала, что было велено.

– Теперь послушай, – и тут он наклонился к моему уху так близко, что прохладная щека прикоснулась к моей. Я снова покраснела, и порадовалась, что машине темно. Но то, что произошло потом, заставило меня сбиться с дыхания – он нежно прикоснулся рукой к моему лицу и тихо прошептал. – Я знаю твой секрет.

Первым моим порывом было отодвинуться, посмотреть ему в глаза, понять насколько серьезно мы сейчас говорим, и если серьезно, то о чем? Но его рука нежно легла на мою шею и удерживала меня так, как хотелось ему. Странно, я понимала, что происходит что-то не то, но страшно мне не было. Было любопытно. Замерев, я слушала, как он тихо шепчет мне то, что я не могла услышать ни от кого, кроме самой себя и Влада:

– Я знаю, что ты вытащила Графа из мира, о котором никто даже не подозревает. Я там был. Я знал тебя задолго до вчерашнего вечера, и ты мне запомнилась не вчерашней выходкой. Мне очень интересно то, что в твоей голове, и именно поэтому я здесь. Я знаю, как ты хочешь вернуться обратно. Я могу помочь. Я могу вернуть тебя назад.

На последних словах мое дыхание сбилось. Я снова попыталась дернуться.

– Тише, тише. Не спеши. Дослушай, – рука чуть сильнее сдавила мою шею. – Я дал тебе пузырек, в нем вода из озера, того самого, где жил Водяной. Помнишь? – я кивнула. – Я сделал так, что она вернет тебя в тот мир, в любое время, когда пожелаешь, – он отстранился от меня, но ровно настолько, чтобы наши носы едва касались друг друга. Он посмотрел мне в глаза. Я смотрела на длинные ресницы и голубую радужку, и тут где-то в глубине его глаза отчетливо сверкнул красным крохотный огонек. Очень похоже на то, как светятся в темноте глаза сиамских котиков. Крошечный проблеск сотые доли секунды, и снова ничего, кроме голубого хрусталя и длинных ресниц. Он взял мое лицо в свои прохладные ладони. – Слушай внимательно и запоминай. Нужно любое маленькое помещение, и чем меньше, тем лучше, а иначе процесс может затянуться, и путешествие в другую реальность может оказаться не очень приятным. Понимаешь? – я кивнула, хотя не поняла ни слова. – Хорошо... – он странно протянул это слово, словно произнося его, думал совершенно о другом. – Откроешь пузырек и выльешь воду прямо на пол. А дальше все произойдет само собой. Запомнила?

Я кивнула. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга. Он рассматривал мое лицо, и взгляд его скользил по моим ресницам, кончику носа, губам... Мне казалось, что сейчас он сделает то, чего так ждала Сашка. И вдруг, словно прочитав мои мысли, он улыбнулся, отпустил меня и отвел взгляд. Отодвинувшись, он снова посмотрел на меня.

– Мне пора. Беги, моя Лера, – сказал он ласково и устало.

Я кивнула, и словно под гипнозом, вышла из машины. Дверь бесшумно закрылась, а меня обнял холод зимнего вечера. Мотор заурчал, машина заскрипела колесами по снегу и медленно двинулась к выезду из двора. Я зашагала к дому, чувствуя себя, если не пьяной, то, определенно, не трезвой. Мне казалось произошедшее со мной всего секунду назад, было очень, очень давно. Так давно, что стерлись детали, потускнели, потемнели эмоции и ощущения, и осталась голая суть – я могу вернуться назад. Сейчас смысл этих слов не доходил до меня, и они так и оставались просто словами, пустыми, ничего не значащими. Я повернулась и посмотрела на уезжающий автомобиль. Его не было. Странно, ведь по моим расчетам я все еще должна была видеть его у самого дальнего угла моего дома, выворачивающим на дорогу. Но машины не было. Я совершенно сбилась с толку. Неужели я опять потеряла счет времени? Сколько я тут стою? Я посмотрела на часы и поняла, что глядя на стрелки, не могу понять который час. Смотрю как баран на новые ворота – стрелки вижу, а время понять не могу. Я зажмурилась, помотала головой и снова посмотрела на циферблат. Пятнадцать минут шестого. Никакого выпадения из реальности не было. Мороз начал ощущаться гораздо сильнее. Я зашла в подъезд и нажала кнопку лифта. Пока кабина спускалась, треща так, словно это ее лебединая песня, я пыталась вспомнить, где мы встречались там, в сказочном мире. Но сколько бы я не перебирала в памяти лица, знакомые до боли, и мимолетные, ничего для меня не значащие, я никак не могла вспомнить никого, даже отдаленно похожего на Ваню. Я бы точно его запомнила, даже если его лицо попало в поле моего зрения мельком. Единственным местом, где мы могли встретиться и не запомнить друг друга, был вечер бала. Народу там было столько, что я могла и не заметить, даже такое удивительное создание. Нет! Не могла. Я бы заметила. Я бы запомнила. Конечно, если бы не была ослеплена сиянием Графа. При мысли о Владе снова неприятно скрутило нутро, и я заставила себя думать о чем угодно другом.

Зайдя домой и, раздевшись, я села на диван и долго смотрела на выключенный телевизор. До меня, наконец, начала доходить суть происходящего – я могу вернуться назад. Мысль эта сверкнула в моей голове и осветила мою серую, никчемную жизнь. Я МОГУ ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД! Сердце екнуло и зашлось. Вернуться в сказочный мир, где летающие ягоды и голубая глазунья, где чай, пахнувший мятой, на вкус как шоколад, где Водяной больше не живет на дне озера, а рассекает небеса с говорящим камнем на шее. Туда, где моя Ирма... Я заплакала. Милая моя, добрая ведьма... как же мне тебя не хватает! Слезы лились по щекам, и я никак не могла понять были ли это слезы горести или облегчения. Я не трудилась их вытирать, все равно смотреть на меня некому. Просто сидела и глядела на черный, безжизненный прямоугольник телевизора, где отражался мой силуэт. Была бы ты тут, ты подсказала, что делать. Но ты так далеко... Не в чужом городе, не в чужой стране, а в другой вселенной, и кто знает, где находится этот мир? Никто не знает, но... у меня есть ключи. Есть возможность бросить все и отправиться туда, где есть все, что мне нужно для счастья. Только вот, как же бабушка, дедушка? Как же Саня? Понимаю, как будет больно им, если я исчезну. Просто пропаду, не оставив ничего, ни единого слова о том, жива ли я, все ли со мной в порядке. Понимаю умом, но сердцем не чувствую. Не могу ощутить то, через что им придется пройти, пока они будут искать меня. Полиция, листовки, объявления в соцсетях. Им будет больно, хотя «больно» слишком мягкое слово. Но я-то этого не увижу. Животный эгоизм кричал, что мне нет до этого никакого дела, но человеческая суть упрямо твердила, что никто из них не заслуживает такого свинского отношения. Они любят меня, и не их вина, что есть на свете люди, которых я (простите меня мои родные, но это правда!) люблю в миллион раз сильнее. И тут извечный вопрос, наконец, обозначился со всей четкостью – поступить правильно, или так, как хочется? Чьи интересы важнее для меня – мои или близких мне людей?

Я заключительно всхлипнула, вздохнула, поднялась и пошла в ванную. Утро вечера мудренее. Умывшись, я зашла в свою комнату, с головой залезла под одеяло и быстро уснула.

С того злополучного вечера прошла неделя. Странно, но дни летели быстро, хотя я была совершенно уверена, что нерешенный вопрос будет тянуть меня якорем и растягивать минуты в года. Напротив, теперь, когда у меня был шанс, путь к отступлению, мне казалось неправильным принять решение наобум, подчиняясь только своему «хочу», а потому за размышлениями я снова, довольно часто, выпадала из времени, которое итак не особо-то меня жаловало.

Сашка чуть не плакала, узнав, что мой новоиспеченный принц исчез без надежды на возвращение. Я уж и не помню, что ей плела. Что-то о том, что у него родственники в другом городе и срочно понадобилась его помощь. Когда вернется и сам не знает, а потому мы дружно пришли к выводу, что не стоит тратить мое драгоценное время. Мы расстались хорошими друзьями, и на том спасибо. И пока Александра бубнила что-то про то, что спасибо на хлеб не намажешь и в постель не положишь, я думала о том, что это далеко не конец. Все во мне было абсолютно уверенно, что каким-то образом, как-нибудь мы еще встретимся, даже если я решу больше никогда не возвращаться в волшебный мир.

И однажды я именно так и решила. Решила твердо и безоговорочно. Просто в один поздний вечер пятницы пришла домой, и все стало ясным как день – я зашла в квартиру и, разуваясь, услышала, как дедушка с бабушкой разговаривают на кухне. Сейчас уже не помню, о чем они говорили, но обсуждалось что-то пустяковое, житейское, совершенно бытовое. Прошла на кухню, а бабушка печет булочки, и такой по дому аромат, что я чуть язык не проглотила. Дед поздоровался со мной, бабушка улыбнулась:

– Садись. Уже почти готово.

Дедушка налил чай. Не такой, какой делаю я, а обычный пакетированный. Бабушка достала из духовки противень, сняла булочки и выложила их в глубокую тарелку, которая тут же очутилась передо мной. И как-то сразу пришла в голову мысль, что я не оставлю их. Не пойду я никуда.

Я съела три булки, выпила полную кружку чая, и пошла в комнату, поблагодарив своих. А потом я закрыла дверь, и весь вечер оплакивала мое невозвращение. Я плакала по Ирме, по Амалии, по Великой Волшебнице и даже по Косому. Я тихо рыдала в подушку, пока вконец не выбилась из сил. Я так и уснула в одежде и проспала до самого утра.

Началась предновогодняя неделя. Все, как сумасшедшие носились по магазинам, покупая подарки, платья, туфли и такое количество всевозможной еды, словно завтра не первое января, а восьмое сентября сорок первого, а мы Ленинграде и точно знаем, что на утро нас оккупируют. Бронировались последние свободные минуты в парикмахерских, в которых мастера работали почти круглосуточно, ни одного свободного столика, даже в самом захудалом кафе нашего города не осталось, а все, кто планировал новый год в шумных компаниях, уже запаслись аспирином, рассолом, минералкой, а самые пессимистичные заверили завещание у нотариуса. В общем, все неслось по тому же сценарию, что и каждый год. Люди постоянно куда-то звонили: магазин, салон, магазин, ночной клуб, магазин, база отдыха, магазин, друзья, магазин, бывшие друзья и, напоследок, еще раз магазин. В этом году я насильно оправила Саню отмечать новый год в компанию к очень хорошим, веселым людям. Сашка очень долго не соглашалась, и таких изобретательных доводов, которыми она пользовалась, человечество не слышало со времен мифов Древней Греции. Начиная от банального «Мне нечего надеть» и «Там будет Димка, ну тот, помнишь, с кривыми зубами. Он мне прохода не дает», заканчивая очень милым «Год барана нужно встречать с его символом, поэтому я не могу тебя бросить». Но все же мы сошлись на том, что депрессивная дама с истеричными наклонностями никак не может составить достойную компанию молодой, красивой фее. К концу недели, когда мне казалось, что мы уже обо всем договорились, Саня все еще не теряла надежды сыграть на моей совести:

– Ты просто не хочешь отмечать новый год со мной, – она театрально надувала губы, которые и без того были пухлыми. – Так и скажи.

– Саня, прекрати. Это не сработает. Я хочу провести новый год так, чтобы не портить своей миной праздник другим людям. Даже бабушка с дедушкой, и те не так упираются, как ты.

– Они уезжают?

– Да, к друзьям.

– О, небеса, так это же будет идеальный новый год! Ты, я, шампанское и все, известные человечеству, сериалы.

– Таким будет наш идеальный новый год лет через пятьдесят. Вот тогда для нас это будет праздник, достойный того, чтобы складывать о нем легенды и пересказывать их внукам. А сейчас ты обязана компенсировать свою неудавшуюся поездку на тот прием, который я у тебя бессовестно забрала. Езжай, тигрица, покажи им как нужно отмечать.

Сашка закатила глаза и повернулась к окну. Я продолжала пялиться в телевизор, где шел повтор хоккейной игры, которую я смотрела вчера, но делала вид, что вижу происходящее впервые.

– Лерка... – сказала она тихо. – Ты все еще... ну... В общем. Ты как... как ты...

Я повернулась к ней, глядя, как мучает мою подругу приступ словесного запора. Бедняга даже покраснела, стараясь найти самое деликатное, самое безобидное слово для моего отношения к Владу.

– Все уже хорошо, – ответила я на не прозвучавший вопрос, просто чтобы не мучить ее, и в очередной раз пожалела, что вместе с историей про эльфа, рассказала и о моем темном принце. – Я уже совсем о нем не вспоминаю, – чувствуя, как больно закручивается пружиной мое нутро.

Сашка кивнула и снова уставилась в окно.

Наступил канун нового года. Все разъехались, куда и планировалось, а я осталась одна. Восемь вечера. Я затеяла поход в магазин за самым необходимым эту волшебную ночь – закончилась туалетная бумага. На пороге магазина я поняла, что затея моя была провальной с самого начала. Почему-то я была совершенно уверена, что в это время люди уже прошли все семь кругов ада и давно рассаживались за новогодним столом. Но, не тут-то было! Очереди были нескончаемы. Все кассы работали и при этом хвост самой кроткой из очередей заканчивался где-то в бакалейном. Я героически выдержала это испытание, ни разу не потеряв самообладания. Выходя из магазина, я ощущала, что выиграла затяжную битву, не потеряв ни одного бойца. Кажется, прошли столетия, хотя на самом деле бездарно потерял всего один час. Да и ладно, все равно никаких планов на сегодня у меня нет.

Я шла по улице с пачкой бумаги и смотрела, как кипит предновогодняя суета. Люди собирались большими компаниями и шли куда-то, парочки бежали домой с полными пакетами, семьи с детьми шли на елку. Мне казалось, что весь мир существует отдельно от меня, хотя внешне я тоже вписывалась в это общество, правда с той лишь разницей, что в руках у меня была туалетная бумага, а не торт. Ну и ладно, Кесарю – кесарево. Правда, внутри я была чуть живее сайры, закатанной в банку, и сейчас меня радовало только то, что не было нужды разыгрывать комедию и натягивать улыбку на лицо, делая вид, что все настолько хорошо, что на самом деле я еле сдерживаюсь, чтобы не бегать вприпрыжку. Я просто шла и смотрела, как люди радуются празднику, и радовалась за них, насколько могла.

По дороге от магазина до дома есть парк. Его можно и обойти по широкой улице, но там и в обычные то дни оченьлюдно, а сегодня... Одна мысль о том, что придется расталкивать локтями плотную толпу, заставила меня содрогнуться. Я свернула на дорожку в парк и пошла по хорошо освещенной аллее. Пошел снег, как по заказу – большие пушистые хлопья сплошной стеной. Прямо как в романтических комедиях, где все неизменно заканчивается хорошо.

Я почувствовала себя злобной старухой, у которой вызывает раздражение абсолютно все, что делает счастливыми других, и мне стало противно и одновременно жалко саму себя. Я жалела себя, как жалеет чужой человек совершенно незнакомого, но абсолютно несчастного. А потом разозлилась. Разозлилась на то, что не в состоянии оценить то, что делают для меня мои родные и мой единственный друг. Никак не могу принять их тепло и любовь, они просто не приживаются во мне, словно я почва, израсходовавшая весь запас питательных веществ, и теперь во мне ничего не может прорости, даже мелкие сорняки, и те не растут. Я – пустая земля, бесплодная, голая, серая как грязь. Я подумала об Ирме. Теперь, она так и останется самым далеким и самым близким мне человеком. Как она там? Встречают ли в сказочном мире новый год или Рождество? И если да, то, как там твое настроение, добрая ведьма? Наверное, вся в хлопотах и заботах. Летаешь по кухне, творишь всякие вкусности, поешь и танцуешь. Ну, уж точно ты не сидишь с рулоном туалетной бумаги в руках на лавочке в парке. Я представила, как Косой помогает ей, в своем угрюмом безмолвии накрывая на столы, вешая гирлянды, наряжая исполнинскую елку в столовой. Я вспомнила об Амалии, и почему-то мне представилось, что она встретила свое счастье в маленькой деревне на краю вселенной, в лице огромного бородатого кузнеца, немного неуклюжего, но доброго, который никак не насмотрится на свою хрупкую, почти хрустальную, белокурую красавицу. И когда он уходит на работу, он целует ее в щеку, он улыбается ему, а потом он наклоняется и целует заметно округлившийся животик. Как же они там без Влада? Злятся ли, что я забрала его? О том, как отмечает новый год Влад, мне даже думать не хотелось, но фантазия упорно подсовывала мне панорамы огромного особняка из стекла и бетона, где играет музыка, пьют и танцуют люди, коих так много, что яблоку негде упасть. Девушки обнажены как морально, так и физически, мужчины порочны и избалованы, и среди всего этого великолепия в золотом сиянии – его величество, Граф Владислав Игоревич, наследник бесчисленного богатства, любимец женщин, надежный деловой партнер, наследующий империю своих родителей. Куда уж мне? Все мое наследие – четыре рулона туалетной бумаги. Скажем прямо, невелико наследство.

Я очнулась от своих мыслей и поняла, что вокруг нет людей. Никто больше не пробегает торопливой походкой, никто не смеется, не соревнуется наперегонки. Я глянула на часы – одиннадцать сорок! Е-мае! Я опять потеряла счет времени, и оно бессовестно улизнуло от меня. Меня, конечно, никто не ждет за праздничным столом, но традиция есть традиция, и я помчалась домой, чтобы успеть накрыть на стол то небольшое, что приготовила для праздничной ночи. До дома было совсем недалеко, но даже те пять минут, что нужно, чтобы оказаться дома, сейчас были одной четвертью всего оставшегося времени. А еще раздеться, накрыть на стол, благо все уже приготовлено, и откупорить бутылку газировки. Не люблю шампанское, так что не вижу смысла открывать пол-литровую бутылку ради одного символического бокала.

Я бежала легкой поступью беременного бегемота, периодически входя в дрифт на скользких поворотах, пытаюсь цепляться за все, что можно и нельзя. Бумагу я бережно прижимала к сердцу, как самый ценный трофей за всю мою жизнь. Но гравитация штука неоспоримая, и, выйдя на финишную прямую, я все же расстелилась на накатанном островке льда. Странно, но спешка и падение сбросили с меня мое уныние, и я захохотала. Негромко, но от души. Грациозно расставляя ноги в удивительной по красоте и изящности позе, я поднималась, смеясь чуть ли не до слез. Наконец совладав со своим телом, я добралась до дома. Уже в лифте я осмотрела себя и поняла, что вся в снегу. Я хихикнула и принялась счищать его с себя. Лифт остановился, я вышла на лестничную площадку, отряхиваясь, как собака, вышедшая из воды, достала ключи из кармана, подняла голову и вскрикнула, выронив туалетную бумагу – на коврике, оперевшись спиной о мою входную дверь, прямо на заднице, одетой в шикарные, дорогие брюки, сидел Влад. Длинные, стройные ноги согнуты, локти опираются о колени, и подпирают голову. На нем красивая черная рубашка, три верхние пуговицы расстегнуты, без галстука, пиджак,

слишком тонкий, чтобы ходить в нем в минус двадцать восемь и очень красивые туфли. Он поднял на меня свои сапфировые глаза и тихо сказал:

– Привет.

– Угу, – промычала я.

Он опустил глаза, и мы замолчали. Я была в полном ступоре, и почему-то на первый план вылезла мысль, что такими темпами я пропущу бой курантов. Надо о чем-то говорить подумала я, и выдала:

– Не холодно? Задницей прямо на полу сидишь.

– Тут коврик, – пробурчал он.

– А... Ну тогда сиди, конечно.

Снова повисло молчание. Не тягостное, когда нечего друг другу сказать, а наэлектризованное, когда столько всего сказать нужно, что просто не знаешь с чего начать. Я переминалась с ноги на ногу, как скаковая лошадь, а он просто рассматривал свои руки. Прекрасные, мужественные... Лера! Не смей! Не позволяй себе даже думать об этом! Я помотала головой и ляпнула первое, что пришло в голову:

– Ты что, прямо вот так сюда приехал, в пиджаке? На улице минус тридцать.

– Я на машине, – он поднял на меня глаза. – Ты что, не видела на парковке синий «Бугатти»? Или у Вас «Бугатти» во дворе – это норма?

– Да хоть на карете, – психанула я. По правде говоря, я ничего не видела, потому что опаздывала домой к двенадцати. – Тебе что нужно?

Он неопределенно пожал плечами и снова уставился на свои руки.

– Слушай, отодвинься от моей двери и можешь и дальше глубокомысленно отсиживать свой зад.

Я подошла к двери. Он поднялся – вырос надо мной, глядя на меня сверху вниз. Каждый раз, когда он был настолько близко и смотрел на меня вот так, мне казалось, что я становлюсь еще меньше, чем я есть. Он сделал шаг в сторону, пропуская меня, и когда я подошла к двери, оказался за моей спиной. Только со второго раза мне удалось вставить ключ в замок. Дверь открылась, и я шагнула в квартиру. Я повернулась к нему, чтобы эффектно попрощаться, но он нагло перешагнул порог моего дома и, аккуратно подвинув меня, закрыл за собой дверь. Он неспешно снял с себя пиджак и повесил его в прихожей. От такой наглости у меня начисто отнялся язык. Я молча смотрела, как он так же неторопливо снимает один туфель, затем второй и аккуратно ставит их на полку для обуви, а затем неспешно проходит мимо меня в мою же комнату. Не знаю, какое у меня было лицо, но подозреваю, что меня всю перекосило от возмущения. Но Влад даже не взглянул на меня. Я наскоро отделалась от одежды, побросав все абы как, и с праведным гневом полетела к себе. Открыв дверь, я увидела, как он во весь свой рост растянулся на моей кровати, зарываясь лицом в подушку.

– Ты что себе позволяешь? – возмущенно зашипела я.

Он повернулся ко мне, и я увидела, как по его лицу растекается блаженное удовольствие.

– У тебя очень удобная кровать, – сказал он тихо.

Я мельком глянула на то, как свисают с края его длинные ноги.

– Я-то знаю, ведь это МОЯ кровать. Что тебе здесь нужно?

– Мне нужна вот такая удобная кровать. Где вы ее покупали?

– Не помню. Не знаю. Слушай, я вполне серьезно тебя спрашиваю? Я не шучу.

Он удивленно вскинул брови, но ничего не ответил. А меня буквально затрясло от такого хамства. И лишь мгновением позже до меня стало доходить, что ИМЕННО меня так разозлило. Влад, зайдя в квартиру, разделся и сразу же прошел напрямик в мою комнату. Не в зал, не в комнату бабушки с дедушкой, а в мою, как будто точно знал, ГДЕ моя комната. Словно уже не раз... И тут догадка осенила меня. Я еле слышно, словно сама сомневалась в том, что собиралась сказать, спросила:

– Слушай, ты что... ЗНАЕШЬ где моя комната?

Он коротко кивнул и улыбнулся. Я покраснела до кончиков ушей.

– Ты что, уже был здесь? – говорю совсем тихо.

Он кивнул, а затем поднялся и сел на кровати.

– Говорю же, я все о тебе знаю. А есть что-нибудь поесть?

Он поднялся с кровати и прошел мимо меня в коридор. На кухне включился свет, и я услышала, как зашумел чайник. Бессильно рыча от злости, я зашла на кухню. Он рассматривал содержимое холодильника.

– Зачем? – спросила я, глядя на его задумчивое лицо.

– Зачем что? – спросил он, доставая из холодильника мой огромный новогодний набор ролов и суши.

– Зачем пробирался в мой дом? Как ты вообще мог оказаться у меня дома так, что я не знаю об этом?

– Ну... не совсем законно, – ответил он будничным тоном, каким говорят который час.

От праведного гнева меня чуть не разорвало на части.

– Зачем? – повторила я.

Он поставил суши на стол и бросил на меня мимолетный взгляд.

– Хотел убедиться, что у тебя все хорошо.

– Для этого незачем незаконно пробираться в мою квартиру. Достаточно просто позвонить!

Он тем временем, достал соевый соус и бутылку «Колы».

– Я не хотел, чтобы ты знала о моем существовании. Я буду кофе, а ты?

И тут за соседней стеной послышались громкие крики «Ура», звон бокалов, смех, громкая болтовня, а через несколько секунд на улицах загремели фейерверки. Люди высыпали на улицу и кричали, визжали, хлопали, смеялись. Повсюду слышались раскаты грома, за окном пылали яркие вспышки, и стало светло как днем. Наступил новый год. Я все пропустила. Коту под хвост новогодняя традиция! Я почувствовала, как по щекам побежали горячие слезы. Слезы бессилия, злобы, обиды, ненависти. Все это время ты видел, как мне было плохо, все это время ты знал, как я мучаюсь, мои слезы, мою истерику, но все, на что хватило твоего ума, это тайком подглядывать в замочную скважину? Кружить вокруг меня, как акула, которая ждет, пока ее жертва истечет кровью?

Я развернулась и побежала в свою комнату. Забежала, хлопнула за собой дверь, села на пол и жалобно закулила. Вытирая слезы, я с трудом хватала ртом воздух, которого стало так мало, и удивлялась, откуда во мне столько воды? Мне казалось, что этот человек высушил меня до капли, но у него снова и снова получалось выдавливать из меня что-то еще.

– Лера, – послышалось за дверью.

Я молча глотала слезы.

– Лер, ну открывай, – сказал он тоном, каким разговаривают с трехлетними детьми.

Я не говорила ни слова. Не могла говорить, потому как истерика, идущая полным ходом, не останавливается в одно мгновение. Нужно ждать, пока она пройдет сама. За дверью послышался спокойный голос:

– Ты же знаешь, что у тебя в коридоре висит запасной ключ от твоей комнаты.

– Только попробуй! – рявкнула я.

На какое-то время воцарилось молчание, но потом тихий голос снова заговорил:

– Ты меня, безусловно, напугала, но я пожалуй рискну.

Я подскочила и, открыв дверь, рванула ее на себя:

– Ты подлый и эгоистичный! – кричала я. Он смотрел на меня спокойно, медленно переводя взгляд от моих глаз, к губам и обратно. – В тебе от природы заложена любовь к себе, да с

таким запасом, что на десятерых хватит. А тут еще и вертятся вокруг тебя, кто во что горазд, и никто, НИКТО не смеет поставить тебя на место. Была бы тут Ирма...

И вдруг он мгновенно взорвался и закричал так, что я чуть было, не оглохла:

– ДА ТОЛЬКО НЕТ ЕЕ ЗДЕСЬ!!!

От испуга я замолчала, глядя как, знакомая мне ярость вспыхнула в нем, искажая его лицо:

– Ты забрала ее у меня!!! – кричал он, тяжело дыша. – Ты забрала у меня все, что было! Все, что я строил с таким трудом, все, что было мне дороже всего на свете, – в таком знакомом приступе ненависти он зашагал по коридору из конца в конец, затем остановился и вонзился в меня ненавистным взглядом. – Я дал тебе все, что у меня было, доверил самое ценное, и сам доверился тебе, и что же ты сделала? Забрала! Отняла! Решила все за меня, не имея на это никакого права. Выкрала меня у самых дорогих мне людей, не спросив, хочу ли я этого!? Выкрала и поставила здесь, как постамент, надеясь, что сделала благое дело. А почему бы не спросить у меня, нужно ли мне это все? – он обвел руками вокруг себя.

– Я спросила тебя, – тихо сказала я. – Я спросила и ты согласился.

– Ты спрашивала меня тогда, когда мне было пять лет! Когда у меня еще ничего не было. Когда я просто не знал, чего лишаюсь.

Он снова зашагал по коридору туда-сюда. А затем остановился и с силой прошелся по лицу ладонями, зашипел сквозь зубы, зарычал и замолчал. С минуту мы стояли в полной тишине. Я никак не могла прийти в себя – никогда я не смотрела на произошедшее с такой точки зрения. Я была уверена в своей правоте и, честно говоря, даже не думала, что могут быть варианты. Я была уверена, что поступаю правильно. Тут он снова заговорил, тихо и устало:

– Любовь, Лера, это огромная ответственность, поэтому, когда кто-то доверяет тебе свой мир, нужно быть очень осторожной, чтобы не сломать его. Поэтому я больше не люблю тебя.

– Пожалуйста, не говори так... – взмолилась я, чувствуя, как снова подступают слезы.

– Но иначе не скажешь. Я не люблю тебя потому, что ты даже не попыталась понять, что для меня важно. Ты не просто не увидела или не захотела смотреть. Ты одним взмахом руки разрушила меня, думая, что лучше знаешь, что мне нужно.

– Человек должен жить в реальном мире, – прошептала я свой последний и единственный аргумент.

Он посмотрел на меня удивленно и грустно.

– Ну и как тебе тут? Как тебе реальный мир?

Я лишь молча закрыла руками лицо и снова заплакала. Он кивнул, и просто слушал, как я плачу. Я никак не могла остановиться, слезы снова и снова наворачивались на глаза. Наконец я тихо со всхлипываниями заговорила:

– Я не пыталась обидеть тебя, я пыталась спасти.

Он грустно посмотрел на меня.

– От кого спасти?

– От Фоса. От себя самого.

Он кивнул:

– То есть теперь, я нравлюсь тебе больше, чем таким, каким я был там?

Я отрицательно замотала головой. Он ухмыльнулся:

– Я себе тоже не особо нравлюсь.

– Так ведь все в твоих руках. Не обязательно быть сволочью...

– Как оказалось, Валерия, далеко не все в моей жизни в моих руках, – сказал он, злобно глядя на меня. Я опустила глаза и замолчала. А он заговорил так тихо, что я еле слышала его:

– Так всегда бывает, когда решаешь чью-то судьбу. Всегда есть шанс, что решишь неправильно, поэтому люди годами узнают друг друга, чтобы не ошибиться, чтобы понять, что нужно любимому человеку. Я любил тебя с пятнадцати лет. А ты меня?

Я молчала.

– Пару недель, – тихо прошептал он. – И решила, что можешь решать за меня мою судьбу?

Я посмотрела на него, и увидела лишь бесконечную усталость. Этот разговор выпотрошил нас обоих. Ничего не осталось – ни доводов, ни аргументов, ни злости, ни слез. Он выпрямился и пошел к выходной двери, бросая мне напоследок:

– Я бы жил там. Жил бы там всю свою жизнь и ни разу не пожалел о том, что не вернулся сюда.

Я смотрела, как он обувается и мне стало невыносимо больно. Я знала – сейчас он выйдет отсюда и больше никогда не вернется. Я знала, что больше его не увижу. И тут меня осенило:

– Стой! – крикнула я.

Он поднял на меня глаза, поправляя ворот пиджака.

– Я могу все исправить.

Он отрицательно мотнул головой, не веря ни единому моему слову. Он взялся за дверную ручку, но подбежала к нему и налегла на дверь всем своим телом.

– Влад, постой, – сказала я глядя в самые синие на свете глаза, которые больше не любили меня. Но я-то любила! Если бы я не сделала все, что было в моих силах, ни за что бы не простила себе этого. – Я правда могу помочь.

Он вздохнул и устало посмотрел на дверную ручку, потом снова на меня.

– Отойди, – сказал он.

– Ну послушай же меня! – упрямо твердила я. – Я не вру, и не выдумываю.

Он отрицательно кивнул головой и потянул ручку на себя. Меня сдвинуло вместе с дверью, но я навалилась и вернула все на место. Он начал злиться – так посмотрел, что одного взгляда было достаточно, чтобы испепелить меня. Я лихорадочно подбирала в голове доводы, причины или просто что-то достаточно убедительное, чтобы он остановился и послушал:

– Влад, ты ничего не теряешь, – выпалила я. Он задумчиво нахмурил брови, а я продолжала. – У тебя уже ничего нет, – сказала я одному из богатейших и красивейших людей нашего города. – Тебе уже не потерять ничего кроме собственной ничтожной, серой жизни, что есть сейчас, – он закусил губу и отвел взгляд. – И чтобы я сейчас ни предложила, это все равно лучше, чем то, что есть на данный момент.

Он снова поднял на меня глаза и внимательно заглянул в мои. Потом убрал руку с дверной ручки и надменно задрал свой прекрасный нос:

– Ну, рассказывай.

– Пойдем в мою комнату, я тебе все объясню.

Он улыбнулся одним уголком рта, поднял брови и сказал:

– Я такое часто слышу, но обычно ничего нового мне после этих слов не показывают.

Я закатила глаза и фыркнула:

– Я и не сказала, что буду показывать, я сказала, что буду объяснять. Идем.

Мы зашли в мою комнату. Я приказала ему закрыть дверь. Он снова язвительно хмыкнул:

– Ну, пока все идет как обычно...

Я достала из-под матраса то, что подарил мне Ваня. Это был крошечный пузырек из толстого стекла. Внутри была вода.

– Вот! – я повернулась и показала его Владу. Он окинул вещь недоверчивым взглядом.

– Что это? – спросил он.

– Это вода из озера, где жил Водяной.

Он взял флакончик и с сомнением повертел в руках, рассматривая его:

– Откуда он у тебя? – спросил он.

– Я набрала, когда была там, – беззастенчиво соврала я. Боюсь, если объяснить ситуацию, как она есть, он просто не станет меня слушать. А мне очень нужен шанс.

– И с чего ты решила, что он поможет вернуть нас назад?

– Великая сказала.

Он внимательно посмотрел на меня, потом на бутылёк, и снова на меня.

– Правда?

Я кивнула.

– И что нужно делать?

Я дословно передала ему слова Вани. Он внимательно слушал, не перебивая и, лишь изредка посматривая на меня, проверяя мою вменяемость. Когда я замолчала, повисла тишина. Влад думал. Над чем именно тут думать было не ясно – ничего не изменится, если это не сработает. Мы просто оба увидим, как я лью воду из бутылочки на пол, и она растекается по линолеуму. Конечно, если ничего после не произойдет, он просто поднимет меня на смех и уйдет, но, на мой взгляд, это совершенно копеечная цена за возможность хоть как-то удержать его рядом, за призрачный шанс исправить то, что натворила.

– Ну ладно, – сказал он, наконец. – Давай попробуем.

Я кивнула и открыла крошечную пробку на бутылке. Зачем-то понюхала его – он пах соленой водой. Я довольно кивнула, а потом вспомнила наставления Вани:

– Слушай, нужно очень маленькое помещение. Давай закроемся в туалете.

– Ну, точно! – с насмешкой отозвался Влад. – В туалете мы еще не закрывались... Начи-
най.

Я вздохнула, но спорить не стала – надежда на спасение наших отношений и без того была призрачной, не хватало потерять последний шанс, затаскивая Влада в маленький узкий туалет. Я опрокинула бутылек. Мы вцепились взглядами в крошечное горлышко с таким ожесточением, словно от его содержимого зависела судьба человечества. Странно, но полный бутылёк воды, стал опустошаться, не выливая из себя ничего – вода уходила, сверкая пузырьками воздуха, заполняющими собой крошечный флакон, но наружу не выливалась. И вот, когда мы оба, разинув рты, смотрели, как последние граммы жидкости вытекли в никуда, на тонком горлышке повисла крошечная капля. Она медленно надулась и, наконец, с неохотой сорвалась вниз. В полной тишине она преодолела короткий путь от бутылка до пола и беззвучно упала на пол. И вдруг пол взорвался волной воды, захлестнув наши ноги по щиколотки. Вода бурлила гейзером и вырывалась из ниоткуда – там, где упала капля по всей комнате, бурля и пенясь, разливалась вода, заливая собой все вокруг, словно там внезапно открылась скважина. Влад отпрыгнул назад, но это было совершенно бессмысленно – спустя три секунды мы стояли по колено в бурлящей воде, не понимая, что происходит. Поток ее был столь силен, а вода прибавлялась так быстро, что мы не могли вымолвить ни слова от неожиданности и просто шарили бешеными глазами по пенящейся, быстро прибывающей воде. Вода не просто затапливала нас, она поднимала волну, и с каждой новой волной вода поднималась примерно на полметра. Спустя считанные доли секунды вся мебель оказалась под водой. Первым среагировал Влад – он метнулся к двери и дернул ручку, но та даже не пошевелилась. Он с силой рвал ее на себя, но результата не было – дверь словно приросла к косяку. А тем временем вода скрыла мне плечи, а Владу дошла до груди. Вода была очень холодной и больно вонзалась сотнями тысяч крошечных иголок, отчего я тихо взвизгивала, но не могла толком закричать. Я слышала стук собственных зубов и увидела, как перехватило дыхание у Влада. Только теперь до меня дошло, о чем говорил Ваня – чем меньше помещение, тем быстрее бы вода затопила его, и тогда путешествие в другую вселенную было бы не таким ужасным – ты просто не успел бы испугаться того, что вот-вот утонешь. Влад повернулся ко мне и увидел ужас в моих глазах. Он рванул ко мне что было сил, но в это же самое мгновение вода накрыла меня с головой. Я хлебнула воды, оттолкнулась от пола ногами и вынырнула. Громко выдохнула и жадно вдохнула несколько раз, прежде, чем волна снова утопила меня. Пола под ногами больше не было. В испуге я открыла глаза и посмотрела вниз – там зияла бесконечная водная тьма, уходящая куда-то вниз, ставящаяся совершенно черной там, где ей уже не было конца. Там не было дна, там вообще не

было ничего кроме воды. Ужас пронзил меня насквозь, и я чуть не закричала, но где-то глубоко в голове инстинкт самосохранения остановил меня – не смей раскрывать рот! Напуганное сердце зашлось, а легкие заныли, но я стискивала зубы. Я завертела головой в поисках света, но все пространство вокруг меня – сверху, снизу, вокруг – было совершенно одинаковым – синесерым, уходящим вдаль черной бездной. Я была среди толщи воды совершенно одна, и только теперь, когда страх стал осязаем, я поняла, что тело мое уже не трясется. Еще немного, и я умру от холода, даже не успев задохнуться. Я беззвучно запищала сама толком не понимая, зову я на помощь или просто испускаю писк отчаянья. Тут кто-то резко схватил меня за шиворот и потащил вниз. Я запаниковала и начала барахтаться, отчаянно пытаюсь спастись. Но рука с силой тащила меня за собой, не давая ни малейшего шанса на спасение. Воздух в легких горел, больше всего на свете мне хотелось вдохнуть. Я уже почти выбилась из сил, когда мой рот раскрылся сам по себе, выпуская из легких углекислый газ. Вода хлынула внутрь меня, обжигая холодом горло, разрывая легкие. Я отчаянно замахала руками и ногами. Но тут моя голова вынырнула над поверхностью. Я закашлялась, судорожно схватила ртом воздух, но потом вода, выходящая из легких, снова преградила путь кислороду. Я отчаянно пыталась снова научиться дышать, кашляя и отплевываясь, пока меня продолжали тащить за собой грубыми рывками.

– Помогай! – услышала я отчаянный возглас Влада прямо над моей головой.

Ничего не соображая, я судорожно начала барахтаться ногами в поисках опоры, и, как ни странно, почти сразу же уткнулась в песчаное дно. Я уже могла дышать, правда, через раз и все еще отчаянно кашляя. Я загребала тяжелыми ногами по песку в ту сторону, куда тащил меня Влад. Из последних сил, на чистом адреналине и исключительно благодаря инстинкту выживания Влада, мы оказались на песчаном берегу. Мы упали на четвереньки и, кашляя, тяжело дыша, ползли вперед. Когда, берег отделил нас от воды, силы, наконец, покинули нас. Мы тяжело плюхнулись на спины, отдуваясь и глубоко дыша. Из моих легких, вместе с воздухом вылетали тихие стоны, а Влад просто громко и размеренно качал воздух, словно машина. В голове стало кристально чисто. Оказывается, когда тонешь, все твои мысли сводятся к абсолютному минимуму – желанию дышать, и сразу такая ясность в мыслях, что можно разглядеть нирвану на том конце темного коридора. Я дышала и дышала, словно ни для чего больше мое тело не предназначалось. Наконец сердце начало успокаиваться. Я открыла глаза. Кругом была тьма. Бездонное черное небо висело надо мной. Ни звезд, ни луны, ни облаков, только черная мгла. Мертвая какая-то. Не знаю, как это объяснить, но при взгляде на нее казалось, что она... искусственная. Господи, придет же такое в голову...

– Странное небо... – услышала я слева от себя. Голос у Влада был тихий, усталый, хриплый.

Я повернулась и посмотрела на него. Он лежал на спине и тяжело дышал, но уже без надрыва. Он смотрел в небо, как и я, и взгляд его рыскал по чернильной мгле в поисках привычных глазу вещей, но оно было пустым. Он устало поднялся на локтях и огляделся. Я последовала его примеру.

Кругом, сколько хватало глаз, простирался песчаный берег, нежного фиолетового оттенка. Песчинки слабо светились, из-за чего весь свет шел не сверху вниз, как положено, а снизу вверх. Странно, но пустыня выглядела безжизненной, искусственной что ли. И только минутой позже я поняла, что не так – пустыня тянулась бесконечно, и на всем протяжении ее ландшафт не менялся – ни одного бархана, углубления, ямы или наноса. Просто гладь песка, ровная, как по линейке. Как в японском саду камней, ее словно тщательно выровняли, или... ни разу не сломали первоначальный вариант. Я бросила взгляд на песок под своими руками – он, как и положено песку, оставил на себе четкие отметины моих рук.

– Влад, тут никого нет, – сказала я тихо. Но Влад выразил мысль яснее:

– Тут никогда никого не было.

Глава 3. Мы находим клад

Влад уже не ругался матом, лишь изредка нелестно проходил по моей родне. Он сидел на песке и смотрел на светившиеся песчинки, время от времени качая головой и с силой проводя ладонью по лицу. Я же отчаянно жестикулировала и всячески старалась приукрасить историю о Ване. В ответ Влад ехидно улыбался и снова качал головой:

– Какой же я идиот, – подытожил он, когда я рассказала все, что смогла. – Поверить глупой девчонке.

Слово «глупой» меня задело, но я и не думала перечить, опасаясь скандала посерьезнее, чем простое перечисление моих нецензурных Альтер-эго. Я молча смотрела, как он набирает в руку светящийся песок и медленно высыпает обратно, глядя на слабое свечение песчинок. Он был похож на маньяка в стадии предобострения. Не то, чтобы я боялась, но, надо признаться, выглядело это довольно жутко.

– Влад, – тихо пробурчала я. – Я не хотела. Я думала, что мы попадем обратно в твой мир. Я хотела как лучше...

– Знаешь поговорку про благие намеренья?

– Да, – пискнула я.

– Так вот ты, Валерия, не просто дорогу прокладываешь, ты туда на бульдозере прешь, да с таким фанатизмом, что о тебе уже наслышаны в конечной точке и с ужасом ждут твоего появления.

– Ну, перестань...

Он снова шумно вдохнул, выдохнул. Подняв голову, окинул безграничную пустыню. За нашими спинами лениво шелестел океан, ледяного серо-стального цвета, а вокруг раскинулась пустыня светящегося песка, и на горизонте ни намека на то, что ей есть конец.

– Что ж, – сказал Влад. – Теперь, когда мы оба понимаем, что мы попали совершенно не туда, куда собирались, предлагаю выдвигаться в путь.

– Куда? – я немного опешила от такого предложения, и дело не только в том, что идти совершенно некуда – куда ни посмотри, кругом одна и та же картина – светящийся песок, безжизненно черное небо и ровный горизонт. Дело было в ощущениях, которое вызывало это место – все здесь было мертво. Я была совершенно уверена, что Влад это тоже чувствует. Хотя нет, это не то слово. Мертво – это когда жизнь была, а потом не стало, а здесь, жизни словно и не было никогда. Все здесь было... стерильно. Мне казалось, что мы два микроба, попавшие в абсолютное, идеально чистое место, новую чашку Петри, и теперь, немного погодя, должны обосновать тут колонию себе подобных. Идти смысла нет просто потому, что куда бы мы ни пошли, в итоге окажемся там же, откуда вышли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.